

В форуме «Поколения в науке» приняли участие:

Михаил Дмитриевич Алексеевский (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва)

Сергей Александрович Арутюнов (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

Энди Байфорд (Andy Byford) (Университет Дарема, Великобритания)

Ольга Юрьевна Бойцова (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Наталья Валентиновна Демина («Полит.ру», Москва)

Барвара Евгеньевна Добровольская (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва)

Борис Зусманович Докторов (независимый аналитик, Фостер-Сити, США)

Леокадия Михайловна Дробижева (Институт социологии РАН, Москва)

Татьяна Аркадьевна Золотова (Марийский госуударственный университет, Йошкар-Ола)

Лев Самойлович Клейн (Санкт-Петербург)

Кристоф Конрад (Christoph Conrad) (Женевский университет, Швейцария)

Стивен Ловелл (Stephen Lovell) (Кингс Колледж, Лондон, Великобритания)

Мэри Макоули (Mary Mcauley) (Лондон)

Денис Аронович Паперно (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Елена Всеволодовна Перехвальская (Институт лингвистических исследований РАН)

Ирина Алексеевна Разумова (Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН, Апатиты)

Нина Романовна Сумбатова (Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

Борис Максимович Фирсов (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Шейла Фитцпатрик (Sheila Fitzpatrick) (Университет Чикаго, США)

Ревекка Марковна Фрумкина (Институт языкознания РАН, Москва)

Татьяна Владимировна Черниговская (Санкт-Петербургский государственный университет)

Поколения в науке

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

В российской науке последних десятилетий проблема преемственности (точнее, согласования) поколений стала особенно острой. Приток молодых исследователей существенно сократился. Среднее поколение оказалось «прореженным» перестройкой: по финансовым и иным причинам многие уехали преподавать в зарубежных университетах либо предпочли другие виды деятельности. Самым многочисленным стало старшее поколение. Оно не только занимает лидирующее положение и контролирует ситуацию (так было всегда, во всяком случае, в социальных и гуманитарных науках), но и вынуждено нести основной груз научной работы. В результате наука стремительно стареет. Причины произошедшего хорошо известны: снижение престижа науки, появление новых сфер приложения интеллектуального труда, низкая зарплата научных работников и т.п. Ситуация усугубляется тем, что молодое поколение вынуждено перенимать знания и опыт научной деятельности у тех, кто сформировался как

исследователь в советский период. Несмотря на это, о преемственности поколений можно говорить лишь с большой долей условности, поскольку научные предпочтения, знаковые имена и другие ориентиры мало совпадают у молодого и старших поколений. Особенно это проявляется в науках нашего круга (по той простой причине, что в советское время они считались «идеологическими»). Одна из целей этого форума — улучшение взаимопонимания между поколениями. Редколлегия предложила участникам ответить на следующие вопросы:

- 1 *К какому научному поколению (молодому, среднему, старшему) вы себя относите (вас относят) и по каким критериям? Каковы основные черты вашего поколения?*
- 2 *Чем, по вашему мнению, отличаются другие действующие в науке поколения? Каковы причины этих отличий?*
- 3 *Ощущаете ли вы конфликтность научных взглядов разных поколений? Если да, то в чем это проявляется и каковы, по вашему мнению, последствия сложившейся ситуации?*
- 4 *Насколько характерен, с вашей точки зрения, разрыв между поколениями для российского общества в целом и его иных (за пределами академии) элит (политической, управленческой, литературной и т.д.)? Существует ли связь между конфигурацией поколений в этих сообществах с тем, что происходит в науке?*

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВСКИЙ

По традиции, сложившейся в журнале, авторы ответов на вопросы «Форума» обычно выбирают одну из двух стратегий: либо пишут довольно строгий научный текст, имеющий прямое или косвенное отношение к обозначенной проблеме, либо оформляют свои мысли по теме в форме полемического эссе с субъективной авторской позицией.

В данном случае сама постановка вопросов вынуждает меня выбрать второй вариант, ибо любые попытки провести разделение на поколения (да еще с дополнительной задачей охарактеризовать *свое поколение*) почти неизбежно съезжают в сторону горячих кухонных дебатов и болезненной саморефлексии в диапазоне от «Печально я смотрю на наше поколение» до «Были люди в наше время, не то, что нынешнее племя». В конечном счете, размышления на эту тему больше рассказывают нам о тех людях, которые их порождают, нежели о каких бы то ни было поколениях. Соответственно те соображения, которые я высказываю ниже, следует воспринимать как субъективное мнение одного из представителей молодых российских ученых без претензии на высказывание от имени «всего поколения».

Михаил Дмитриевич Алексеевский
Государственный республиканский
центр русского фольклора, Москва
alekseevsky@yandex.ru

На мой взгляд, очень условную классификацию научных поколений, предложенную редколлегией журнала, следует признать в целом удачной. Довольно грубое разделение всех ученых на молодое, среднее и старшее поколения лишает отвечающего возможности закапываться в терминологические нюансы (ведь при желании поколений можно выделить очень много) и предлагает задуматься о возрастных категориях научного сообщества.

Впрочем, очевидно, что, когда мы говорим о научных поколениях, возраст того или иного исследователя не следует ставить во главу угла, равно как нет смысла вводить какие-то возрастные ограничения (дескать, кому еще нет 35 лет, тот еще «молодое поколение»). Как мне кажется, в наши дни, если уж и пытаться наполнить какой-то конкретикой разделение отечественных научных поколений на «молодое, среднее и старшее», лучше опираться на такой критерий, как степень вовлеченности в науку советского времени. В таком случае к старшему поколению следовало бы отнести тех, кто к распаду СССР уже был состоявшимся ученым; к среднему — тех, кто начинал свою научную карьеру в позднесоветское время, к молодому — тех, кто знаком с советской наукой только по книжкам и рассказам старших товарищей.

За последние 20 лет все три поколения понесли серьезные потери: многие представители старшего поколения ушли из жизни, многие представители среднего поколения ушли из науки, наконец, очень многие представители молодого поколения, желавшие заниматься наукой, попросту не пришли в нее.

Авторы вопросов совершенно справедливо указывают на те причины, по которым российская наука теряет кадры. Действительно престиж научной работы резко упал, новые области применения интеллектуального труда появились в изобилии, а зарплата научных работников остается крайне низкой. В этом отношении показательны результаты социологического опроса, проведенного в середине августа 2009 г. Аналитическим центром Юрия Левады. Респондентам было предложено определить, какие профессии они считают наиболее доходными / выгодными. В получившемся списке доходных профессий «ученые» получили почетное последнее место, набрав такой же процент голосов опрошенных, что и «профессиональные нищие».

Каждое из трех поколений российских ученых по-своему отреагировало на столь резкое и болезненное изменение статуса научной деятельности. Старшее поколение к тому моменту, как произошел «обвал», уже посвятило науке свою жизнь и, как правило, стараясь как-то адаптироваться к изменяющейся действительности, продолжало заниматься прежним «ремеслом». Нынешнее среднее поколение оказалось перед сложным выбором: остаться

в науке на свой страх и риск, уйти из нее, чтобы освоить более прибыльную и престижную профессию, или переехать в другую страну, где условия работы ученых значительно более комфортные. Наконец, младшее поколение вообще не застало те времена, когда быть ученым было престижно и выгодно.

Когда я в конце 1990-х гг. предпринимал робкие попытки заняться научной деятельностью, финансовая привлекательность карьер «ученого» и «профессионального нищего» уже была сопоставимой. Для меня до сих пор удивительно, что за занятия наукой могут платить хоть какие-то деньги. Я рос тогда, когда казалось, что наукой можно заниматься только ради собственного удовольствия.

Собственно, удовольствие от научных занятий сегодня является практически единственным стимулом для молодого человека, задумывающегося о том, чтобы стать ученым-гуманитарием. При этом новая эпоха открывает перед молодым ученым в разы больше возможностей получить это удовольствие, чем перед его сверстником, жившим в Советском Союзе двадцать или, скажем, сорок лет назад. Если ты деятельный и увлеченный, перед тобой открыты все дороги: можно легко найти и прочитать работы зарубежных коллег по интересующей тебя теме, можно вступить с их авторами в переписку, можно публиковать статьи и монографии, можно придумывать интересные проекты и выигрывать под них гранты, можно ездить в экспедиции и на международные научные конференции...

Другой вопрос, что карета все равно будет регулярно превращаться в тыкву: пожив несколько дней в шикарном отеле, который тебе заботливо оплачивают организаторы какой-нибудь милой европейской конференции, очень неприятно возвращаться домой к тем проблемам, с которыми постоянно приходится сталкиваться ученому в России. Более того, все эти замечательные виды научной деятельности в полном объеме доступны только тем, кто имеет дополнительные источники дохода, как правило, не связанные с наукой.

В самом тяжелом положении оказываются аспиранты: на стипендию прожить невозможно, для получения «взрослых» грантов им не хватает научного статуса, неизбежные подработки отнимают время и силы, так необходимые для работы над диссертацией. Нет ничего удивительного в том, что именно на этом этапе огромное число аспирантов уходит из науки, так и не защитившись. Остаются только те, кто действительно очень увлечен научной деятельностью и имеет возможность, занимаясь ею, сводить концы с концами (как правило, с помощью дополнительных заработков). Таких мало. Даже в Санкт-Петербурге, где работает такая мощная кузница научных кад-

ров, как Европейский университет, многие аспиранты и выпускники уходят из науки. В Москве ситуация еще хуже.

Те молодые люди, которые все же решают связать свою жизнь с наукой, оказываются в весьма необычном положении: с одной стороны, они обычно страдают из-за вышеупомянутых финансовых проблем, которые мешают им заниматься научной деятельностью; с другой стороны, если уж они ею занимаются, их перспективы профессионального роста выглядят весьма радужно.

Молодых защитившихся исследователей, готовых продолжать заниматься наукой, сравнительно мало, соответственно конкуренция между ними минимальная. Тем временем наука стареет, многие пожилые исследователи уходят на пенсию или, увы, из жизни. Кто займет эти места? Количество работающих представителей среднего поколения ограничено, поэтому даже в тех научно-исследовательских коллективах, где сейчас утверждают, что с сотрудниками все хорошо, рано или поздно возникнет острая необходимость в молодых научных кадрах. Откуда их взять? Только из числа тех немногих молодых, кто остался в науке, несмотря на трудности.

Какое отношение ко всей этой ситуации имеет проблема взаимодействия между научными поколениями? Самое прямое. В условиях, когда молодые деятельные исследователи в остром дефиците, старшее поколение, которому традиционно принадлежат властные ресурсы, практически лишается возможности ими злоупотреблять. Предположим, раньше на ставку научного сотрудника претендовало пять аспирантов, которые конкурировали друг с другом. В этой ситуации перед начальством, как правило, состоявшим из представителей старшего поколения, открывались широкие возможности для манипулирования претендентами.

Сейчас на ту же самую должность могут претендовать два аспиранта, один из которых никак не может дописать диссертацию, потому что должен кормить семью, а второй уже прошел защиту, но подумывает, не бросить ли ему науку после защиты. Очевидно, что в подобной ситуации у начальства рычаги злоупотребления властью попросту отсутствуют. Наоборот, оно должно уговаривать второго аспиранта, чтобы он все-таки остался работать дальше.

Но что начальство может предложить молодому специалисту? Большую зарплату? Едва ли. Стремительный карьерный рост? При нынешнем состоянии с престижем научной работы он тоже мало что дает. Показательно, что среди научной молодежи сейчас практически нет карьеристов в плохом смысле этого

слова. Просто потому, что бороться не за что. Остается все тот же единственный стимул, о котором шла речь выше, — удовольствие от научной деятельности.

Репрессивные механизмы, имевшие популярность в советском академическом сообществе, в новых условиях тоже не работают. Если раньше начальство могло «зажимать» отдельных сотрудников, не давая им публиковать научные работы, то теперь такая практика в принципе невозможна. Ученый, которому не дают опубликоваться в «ведомственном» издании, легко печатает свою работу в другом месте. Столь же малоэффективно «наказание рублем» (при таких-то зарплатах!), ограничение карьерного роста, создание проблем с защитой диссертации. Молодой научный сотрудник, которого «обижают», легко может хлопнуть дверью и уйти (либо из института, либо из науки вообще). Почти наверняка у него не будет проблем с тем, чтобы найти новую работу, пусть и не связанную с научной деятельностью. А вот его прежним начальникам найти нового молодого сотрудника на замену будет ох как сложно!

В сложившейся ситуации пресловутый «конфликт поколений» теряет всякий смысл. Кому с кем конфликтовать? И за что бороться? Показательно, что все известные мне случаи серьезных конфликтов между представителями разных научных поколений проходили по линии «среднее поколение против старшего». Молодые ученые в подобных противостояниях обычно не участвуют, разве что в качестве любопытствующих зрителей.

В вопросах редколлегии, предложенных для обсуждения, говорится о том, что в современной науке нарушается «преемственность поколений». Позволю себе с этим не согласиться. Тот факт, что «научные предпочтения, знаковые имена и другие ориентиры» у младшего и старших поколений мало совпадают, вряд ли можно считать серьезным аргументом. А в какую эпоху, спрашивается, они совпадали?

Как это часто бывает в «Антропологическом форуме», сама формулировка вопросов аккуратно подталкивает к определенным ответам; в данном случае акцентируется «идеологический» характер наук «нашего круга» в советское время. Логично предположить, что описываемое расхождение «научных предпочтений» и вообще разрыв «преемственности поколений» возникает из-за того, что ученые старшего поколения были сформированы в условиях «идеологической» советской науки, что совершенно не устраивает свободную научную молодежь. Довольно-таки неприятная для старшего поколения картина...

На мой взгляд, подобная схема красиво смотрится в теории, однако совершенно не соответствует реальному состоянию дел в отечественной науке. Прежде всего, не следует преувеличи-

вать влияние идеологии на представителей старшего поколения (во всяком случае, в «науках нашего круга»). Разумеется, идеологическое давление в советское время было, но были и ученые, которые неизменно «гнули свою линию» и успешно противостояли этому давлению. Таких представителей старшего поколения, как Б.Н. Путилов, К.В. Чистов, Е.М. Мелетинский, Н.И. Толстой (сознательно называю тех, кто уже ушел из жизни), едва ли можно назвать «советскими учеными» в негативном смысле. Я не знаю молодых исследователей, которые не относились бы с большим уважением к этим людям и их научным работам. С отдельными положениями, которые они высказывали, можно сейчас не соглашаться, в некоторых их исследованиях можно увидеть влияние советской идеологии, но никто из научной молодежи не пытается их «сбросить с парохода современности».

То же самое относится и ко многим ныне живущим представителям старшего научного поколения (не буду называть имен, но уверен, что каждый легко сможет их подставить), которые пользуются большим авторитетом у молодых исследователей, считающих их своими учителями. В этом смысле преемственность научных поколений сохраняется.

Другой вопрос, что у научной молодежи появилась свобода в выборе авторитетов. С одной стороны, как уже говорилось, механизмы властного контроля над ними в академических структурах работают уже не так, как прежде. Молодому ученому теперь не нужно подобострастно ссылаться на работы какого-нибудь пожилого профессора из начальства только для того, чтобы выразить «лояльность», а в перспективе получить какие-то преференции. Налицо свободная конкуренция идей; можно самому выбирать, на кого ссылаться в том или ином случае: кто-то с удовольствием продолжает дело своего научного руководителя, для кого-то более актуальными являются работы другой отечественной научной школы, а кому-то интереснее штудировать новейшие западные работы по антропологии. Что ж, каждому свое.

В этой новой реальности представители старшего поколения российских ученых вынуждены конкурировать за внимание молодых не только друг с другом, но и с альтернативными источниками научных знаний и опыта (например, с теми же зарубежными коллегами). Такая ситуация безусловно полезна даже для маститых ученых, она стимулирует развитие научной мысли, не позволяя «классикам» почивать на лаврах. На мой взгляд, очень многие российские ученые старшего поколения оказываются вполне «конкурентоспособны» в этих условиях, получая заслуженный авторитет и уважение у молодых коллег.

Разумеется, некоторые ученые, воспитанные в традициях советской науки, не смогли адаптироваться к современной научной действительности. Их новые работы, созданные по устаревшим методологическим схемам, оказываются мало привлекательными для молодых исследователей. Однако и здесь острого конфликта поколений не намечается; труды этих ученых попросту игнорируются научным сообществом, оказываясь, грубо говоря, «неликвидным товаром» на рынке идей.

Разумеется, представленная выше картина взаимодействия научных поколений слишком радужна, чтобы быть стопроцентно точной. Свобода выбора научных авторитетов и свобода от властных злоупотреблений больше характерна для Москвы и Санкт-Петербурга, в то время как во многих региональных научных центрах дела обстоят не столь блестяще: там случаются и конфликты пожилых начальников с молодыми подчиненными, и случаи «культы личности» в научных коллективах, и «репрессии» по отношению к «слишком деятельным» сотрудникам. Во многом это связано с тем, что в регионах статус научной деятельности выше, чем в столице, а зарплата преподавателя или исследователя «по местным меркам» не кажется такой уж удручающе низкой.

В то же время для этих научных центров преемственность поколений более типична, чем их конфликт. Скажем, если попытаться составить фольклористическую карту России, то окажется, что больше всего молодых перспективных исследователей появляется в тех городах, где работают опытные фольклористы старшего поколения. Так, сложно переоценить значение деятельности М.П. Чередниковой в Ульяновске или К.Е. Кореповой в Нижнем Новгороде. При всей широте возможностей, которые открываются перед молодым человеком, решившим связать свою жизнь с наукой, ключевым все же является вопрос об учителе и наставнике. Молодые ученые не растут сами по себе, как сорная трава. И если они появляются, значит, это кому-то нужно, значит, преемственность поколений продолжается. Да будет так!

СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ

1

Мне 77 лет, старше меня мало кто остался. Основные черты нашего поколения — это консерватизм, внеидеологичность, приверженность к классическим сюжетам и подходам, нелюбовь к новомодной лексике и фразеологии. О нелюбви к новым концеп-

Сергей Александрович Арутюнов
Институт этнологии и антропологии
РАН, Москва
gusaba@iea.ras.ru

циям говорить трудно за практическим отсутствием таковых, если не считать за оные труды Б. Андерсона, Хобсбаума и иже с ними, которых все в хвост и гриву цитируют, но мало кто прочел и понял.

2

Чем отличается от нас следующее поколение, а ныне уже и последующее, а это соответственно люди 55 лет и моложе, но старше 35, и люди около 35, иногда до 40, если достаточно молоды духом, и моложе. Эти люди сильно заражены вирусом постмодернизма, который в законченном выражении равен полному агностицизму. Сам по себе постмодернизм неплох, похож на перец и имбирь, т.е. хорош в соусе и супе. Но из одних только пряностей ни суп, ни соус не сварить, нужны еще овощи и мясо, роль которых в нашем деле играют старые добрые объективизм и позитивизм, а также неэволюционизм. Всего этого добра в нашей продуктовой лавке достаточно, но молодые хозяйки не всегда умеют выбрать нужные продукты. В результате суп иногда бывает несъедобен.

3

Есть ли конфликтность между старшими и младшими? Да нет, в основном нет ее. Иногда, если обе стороны достаточно умны, есть вполне плодотворное сотрудничество и взаимопонимание, как у меня с моими лучшими учениками. (Всего учеников, де-юре и де-факто, докторов и кандидатов, около тридцати, из них трое ушли из жизни, к сожалению, еще относительно молодыми, около десятка трудятся в науке или вне ее с относительным успехом, еще о десятке я вообще не имею понятия, где они и что с ними, возможно, что не только иностранцы, но и некоторые россияне где-то за рубежом, и наконец, менее десятка человек поддерживают со мной довольно тесные контакты, в том числе и творческие.) Если этого нет, то обе стороны живут и трудятся, почти не пересекаясь. Иногда пересечения бывают на защитах диссертаций и выливаются в острые непринципиальные дебаты, которые, к счастью, на голосовании довольно мало отражаются.

4

Насколько велик разрыв? Как можно судить из вышесказанного, в нашей науке разрыва либо практически нет, либо он близок к абсолютному, с непересекаемостью кругов общения. Это так потому, что в нашем деле даже худшие из учителей не стремятся вылепить из учеников (студентов, аспирантов) полные копии самих себя. В политике и управленчестве старшие по отношению к младшим стремятся именно к этому, и с большим успехом. Младший, не желающий становиться копией, вылетает за пределы ринга. В литературе (и в поэзии, если она еще вообще где-либо осталась) совсем иначе. Там старшие почива-

ют на лавровых листьях, иногда лениво протягивая руку, чтобы отщипнуть еще листочек с соблазнительно свисающих ветвей. Младшие же, у которых до ветвей добраться руки коротки, вольно или невольно вынуждены барахтаться среди субстанций с совсем иными ароматами.

ЭНДИ БАЙФОРД

Я принадлежу к «молодому» поколению британских русистов, по крайней мере в том банальном смысле, что я лишь недавно получил постоянную работу в академической институции, пройдя свою научную подготовку в 2000-е гг. Тем не менее у меня нет ощущения принадлежности к какому-то конкретному научному поколению, хотя нередко я вполне отчетливо вижу, насколько мои (личные, а не поколенческие) исследовательские интересы и подходы отличаются от интересов и подходов ученых «старшего» поколения (и при этом гораздо менее от представителей «среднего поколения»).

Конечно, с момента падения Советского Союза изменился, причем во многих отношениях значительно, сам характер русистики в Соединенном Королевстве. Политические перемены в России (конец холодной войны и смерть кремлинологии, открытие архивов и расцвет ревизионистской историографии), институциональные преобразования британских университетов (введение системы оценок качества исследовательской работы), технологический прогресс (информационные технологии, система телекоммуникаций, возможности путешествий), сдвиги в интеллектуальных парадигмах (релятивизация дисциплинарных границ, «постмодернистская» критика позитивистской рациональности и т.д.) — все это оказало колоссальное воздействие на научную практику в моей области знания. Это, несомненно, отличает научный

Энди Байфорд
(Andy Byford)

Университет Дарема,
Великобритания
a_byford@hotmail.com

габитус моего собственного поколения, которое формировалось в этой ситуации, от *габитуса* предыдущих поколений, однако трудно сказать, где следует проводить поколенческую границу.

Выбор исследовательских тем и научных подходов представляется индивидуальным, а не поколенческим, причем множество молодых исследователей выбирают вполне традиционные темы и / или подходы, а многие более или менее зрелые ученые пишут работы на современные темы. То же самое относится и к оценке исследований других. Тема моей книги («Литературоведение в позднеимперской России») является в определенном смысле исключительно «традиционалистской». Первая полученная мною рецензия, написанная «старым» ученым, хотя и являлась позитивной, была замечательна тем, что совершенно игнорировала то, что я сам считал моим реальным вкладом, а именно — использование инновационного подхода к этой теме, особенно теорий Бурдьё и Фуко, а также анализ академических ритуалов и дискурсов саморепрезентации и дисциплинарной институционализации. Некоторые другие «старые» ученые, которым случилось прочесть несколько моих статей по данной теме, выказали абсолютное непонимание моей исследовательской программы (и были гораздо менее дружелюбно настроены по отношению к ней). Тем не менее те, кто оценил именно оригинальность моей работы, придерживались вообще-то традиционалистской точки зрения, независимо от того, принадлежали они к старшему, среднему или молодому поколению.

На самом деле, честно, по-видимому, было бы сказать, что на протяжении последних двадцати лет все академические поколения тех, кто занимался в Британии русистикой (в широком смысле), в той мере, в какой они хотели оставаться активными и значимыми, должны были меняться вместе со временем и адаптироваться (по целому ряду параметров и насколько это позволяли их способности и склонности) к новым глобальным условиям, требованиям и технологиям академической работы. Большинство факультетов в моей области стремятся к тому, чтобы у них работали ученые разных поколений, и в целом нацелены на воспроизводство этой ситуации. Различия между учеными разных возрастов в ментальности и позициях могут быть очевидными, но внутрифакультетские конфликты едва ли связаны с поколенческой динамикой как таковой, даже если она иногда и может вторгаться в эти сферы.

Одним из факторов, препятствующих возникновению любого радикального межпоколенческого разрыва в Британии, является либеральная структура научной подготовки и руководства

докторскими диссертациями, которая стимулирует интеллектуальные взаимодействия и профессиональные связи поверх поколенческих границ, что является во многих отношениях двусторонним процессом. Другой фактор заключается в том, что пока ранний этап карьеры и профессиональное продвижение молодых ученых зависят в значительной степени от покровительства зрелых ученых, любой амбициозный исследовательский проект, созданный и возглавляемый признанными учеными, не может обойтись без активного участия молодых исследователей. Получение необходимого финансирования для проведения исследования, создание жизнеспособной академической сети, разделение труда, как в рамках исследовательского проекта, так и на факультете, неизменно стимулируют сотрудничество ученых разных поколений.

В заключение я хочу сказать, что — исходя из моего (ограниченного) профессионального опыта работы в сфере британской русистики — хотя различия между научными поколениями (особенно на уровне *габитуса*) являются неизбежными и должны приниматься в расчет, условия профессионального развития и академической работы, а также распределение власти внутри британского академического мира на практике приводят в гораздо большей степени к вертикальной интеграции разных научных поколений, чем к их горизонтальной стратификации.

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума

ОЛЬГА БОЙЦОВА

1

Метафора возраста широко используется в научной номенклатуре, взять хотя бы младших научных сотрудников, которым даже поставили памятник в городе Троицке Московской области, или пресловутых «молодых ученых», принадлежность к которым каждый раз нужно определять заново, ибо это категория грантополучателей и бенефициантов. Скажем, если получить тот или иной бонус могут лица до 30 лет, то я уже не «молодой», а если до 35, то я еще подхожу, но если при этом требуется степень, то я уже не «ученый». Кроме того, «молодые уче-

Ольга Юрьевна Бойцова

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН / Европейский университет
в Санкт-Петербурге
boitsova@gmail.com

ные» — категория граждан государства (см., например, сайт «Президент России молодым ученым и специалистам» <<http://www.youngscience.ru>>), и мне может не достать гражданской сознательности, чтобы вписать себя в нее.

Семейная метафора используется в академическом мире не так широко, как метафора возраста, но в разговоре о поколениях она напрашивается. Если прикладывать к науке термины родства, то, думаю, человек относится к младшему поколению в науке, пока сам не становится «научным родителем», т.е. не получает научное руководство над кем-то, или пока живы «научные дедушки», т.е. научные руководители научных руководителей. По этому признаку я представитель младшего поколения.

Младшее поколение внутри тоже неоднородно, в том числе и по научному «возрасту». Выступающий на конференции студент четвертого курса, кандидат наук моего возраста и соискатель, который старше меня, относятся, видимо, к одному поколению в науке, но прекрасно представляют себе, кто из них «младше», а кто «старше». Для проведения внутренних и внешних поколенческих границ служат такие признаки, как возраст, наличие / отсутствие ученой степени / звания, наконец, хабитус. Да вот хотя бы то, что у меня короткая стрижка, а у моих студенток длинные волосы, мои джинсы расширяются книзу, а их — сужаются.

3

Я скорее ощущаю конфликт научных взглядов с представителями других школ и с людьми, которые понимают цели научных занятий и способы заниматься наукой иначе, чем я. Мне кажется, в нашей науке нет такого старшего поколения, которое выступало бы единым фронтом, имело одинаковое мнение и единодушно противостояло младшему поколению хотя бы по каким-то вопросам. Каждая научная «семья» воспитывает своих «детей» по-своему, и методы воспитания и содержание обучения чаще противопоставляют ее другой научной «семье», чем своим собственным «отпрыскам». Может быть, мне просто повезло с научными «родителями», я выросла послушным научным «ребенком» и не ощущаю в «семье», где меня растили, конфликта отцов и детей. Расхождение во взглядах со старшими я наблюдаю, пожалуй, только по вопросу выбора научной темы. Представители моего поколения часто берут для исследования новые и нетрадиционные объекты, современные явления, лучше всего — те, которые возникли только что. Представители старшего поколения (за среднее не скажу) нередко относятся к такому выбору неодобрительно и даже если поощряют его, сами подобные темы не берут (конечно, есть исключения). Это именно поколенческое, а не возрастное различие:

мы в поисках темы для исследования хватаемся за то, что модно, а мода, и это хорошо видно по манере одеваться, у каждого поколения своя. Модные сегодня объекты для исследования надо искать в глобальной сети и в области новых технологий, и я со своими любительскими фотографиями на конференциях по визуальности уже выгляжу ужасно старомодной. Подозреваю, что когда представители старшего поколения были малы, их работы тоже удивляли и шокировали старших, если не темами, то подходами — теми подходами, которые были в моде во времена их молодости.

Как мне представляется, конфликт поколений в науке, как и в других областях, не содержательный, а технический. Практическая сторона научной жизни (оплата труда, учебная нагрузка, формат участия в конференциях и семинарах и т.д.) «заточена» под старшее поколение, которое имеет здесь приоритет и пользуется определенными привилегиями. Младшее поколение ощущает несправедливость такого устройства научной жизни и протестует, а старшему кажется, что младшее в своем протесте ведет себя слишком вольно и много себе позволяет. Когда мы возмущаемся тем, что на скучнейший доклад академика отведено 40 минут пленарного заседания, а нам с нашим гениальным сообщением организаторы конференции дали всего 10 на секционном, мы на самом деле возмущаемся не взглядами данного представителя старшего поколения (такой же по содержанию доклад мог бы сделать и его молодой аспирант), а неравенством возможностей. Когда тот же академик возмущается тем, что мы обстоятельно разбираем и отвергаем его замечания вместо того, чтобы кратко его поблагодарить, он на самом деле возмущается не нашими взглядами, а несоблюдением субординации. (Мне как представительнице младшего поколения, конечно, импонирует большой демократизм западной академической жизни.) Таким образом, я думаю, что принадлежность к старшему или младшему поколению играет роль в конфликте научных взглядов только в том смысле, что усугубляет противоречия с технической стороны, так сказать, подливает масла в огонь.

2

В этнографии традиционно представители старшего поколения изучаемой группы (иначе говоря, бабки) считаются самыми компетентными носителями культуры. В науке то же самое: мы смотрим на наших «научных родителей» и особенно «научных дедушек» снизу вверх. Причина не только в том, что они уже совершили переворот, написали классический труд, сказали свое веское слово и закрыли тему. Кроме этого, у нас есть смутное представление, что они в принципе могут больше нас: дадут ответ на любой вопрос, побьют любого в словесном поединке, разрешат любую дилемму, не говоря уже об объеме их

знаний и круге чтения, которые представляются нам необозримыми. Эти представления, конечно, восходят к мифу о золотом веке (Th A1101.1): «Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой, / Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость / К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны / Были их руки и ноги» — и так далее (Пер. В.В. Вересаева).

Вполне осознавая мифологические истоки представлений о золотом веке наших учителей, я, тем не менее, ощущаю, что это на самом деле так: они действительно могут больше нас. Мы тоже можем написать о себе: «После обеда мы купили маленькую <...> и пошли в какую-то университетскую аудиторию, где выпили ее», — вот только не можем продолжить: «Помню, что рисовал на доске, может быть, схему свадебного обряда» [Вахтин, Левинтон 2007: 12], во всяком случае — не на третьем курсе первого университета.

Однако этнографы знают, что с уходом старшего поколения следующее за ним занимает место самых компетентных носителей культуры, и тут вдруг оказывается, что их тоже можно опрашивать. Когда нас бросают в воду, т.е. в университетскую аудиторию, чтобы мы научились плавать, т.е. преподавать, то и мы оказываемся вынуждены знать ответы на все вопросы и разрешать все дилеммы, а противники в словесных поединках вдруг оказываются под стать нам, а не нашим недосыгаемым героям. Я почти всегда уверена, что старшее поколение справляется со всем этим лучше нас. Иногда мне кажется, что нас вообще нельзя было выпускать в большую жизнь, такие мы маленькие и глупые. Хорошо, что миф о золотом веке не дает нам забыть, что мы не самые крутые.

Библиография

Вахтин Н.Б., Левинтон Г.А. От редакторов // АБ-60: Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 9—19.

НАТАЛИЯ ДЕМИНА

1

Сразу оговорюсь, что, в моем понимании, не существует четкого деления людей на поколения. Научные работники делятся скорее не по возрастному, а по этическому признаку, своему отношению к науке, тем целям, которые они хотят в науке или через науку достигнуть. Так что довольно скоро из общения с человеком, чтения его статей можно понять, «свой» он или «чужой». Так что все ниже сказанное о поколениях — это лишь попытка обобщения, не более того.

Я отношу себя к среднему поколению и по возрасту, и по ощущению себя в научном сообществе. Мое поколение (родившееся в конце 1960-х — начале 1970-х гг.) — последнее из тех, кто помнит, как жилось в советские годы, как мы вступали в октябрята, пионеры и комсомольцы, помнит о том, что мы жили в тогда еще едином Союзе советских социалистических «республик». Я на полном серьезе в 15 лет воспринимала слова Маяковского «Я себя под Лениным чищу...», с интересом читала работы Энгельса и Маркса, а потом не могла оторваться от телетрансляций первых Съездов народных депутатов. Понимание, что Ленин и Сталин, по сути, одно и то же, пришло не сразу.

Еще одна важная веха, когда я от веселого атеизма, участия в школьном кружке борьбы с религиозными предрассудками (в восьмом классе мы проводили опросы среди школьников, и оказалось, что очень многие ребята в нашей школе считали, что Бог есть, но их представления о нем больше напоминали языческие) в начале 1990-х гг. пришла к спокойной, внеконфессиональной вере в Бога. Я не могла оторваться от книг А. Меня, потом целый год (1992–1993) по вечерам училась в колледже католической теологии, ныне — Институте философии, теологии и истории святого Фомы, долго выбирала между православием и католиче-

ством, но так ничего и не выбрала. Решила, что все догматы разные, а Бог один, и лучше я буду оставаться вне конфессий. И теперь меня беспокоят как угрозы клерикализации нашей науки и образования, так и письма протеста ученых-атеистов, в которых они делают из РПЦ врага.

Так что, на мой взгляд, мое поколение — последнее, которое из-за таких уроков смены идеологий и политического строя, распада государства на независимые страны получило иммунитет от влияния государственной идеологической машины и понимает, что нет абсолютной истины, что нужно учиться толерантно относиться к чужой точке зрения. Одной ногой в советских субботниках, другой — в новом времени, мое поколение готово много времени тратить на занятия, не приносящие дохода, но вносящие вклад в общественное благо. Мое поколение интересуется политикой и не хочет возврата в «светлое» советское прошлое.

Вместе с тем из-за того, что мы живем в эпоху рынка, постоянно приходится думать о том, как заработать на жизнь: у нас уже есть семьи и дети, а родители — пожилые. Я работала и в коммерческом банке, и в телекоммуникационной компании, и в политической партии, но все это было вне моего призвания. Теперь я пытаюсь удержаться на двух стульях — науки и журналистики, получается это не очень здорово, с большим ущербом для науки, но совсем забывать о научной ипостаси не хочется.

2

Старшее поколение оформлено жизнью в СССР, работой на скрещении этосов науки и идеологии, оно более способно сконцентрироваться на чисто научных изысканиях, менее озабочено поисками дополнительного заработка. Его лучшие представители по-прежнему задают тон в социогуманитарных науках. Благодарю судьбу, что мне удалось пообщаться с такими людьми, как Ю.А. Шрейдер, Г.С. Батыгин, и другими, ныне от нас ушедшими. Мое поколение еще застало последних из могокан, задававших этический стержень жизни в науке, часть из них, слава Богу, жива, и их влияние, общение с ними и память о них помогают принимать решения в сложных ситуациях.

Вместе с тем часть этого поколения, сохраняя функцию не ученых, а пропагандистов, производит не науку, а ее имитацию, и поездки на научные конференции для них — своего рода научный туризм. Другая часть делает не науку, а административную карьеру, пытаясь путем учета государственных интересов, отхода от принципа незаинтересованности в научном результате получить финансирование через предоставление, допус-

тим, социологических услуг различным государственным органам власти.

Молодое поколение более прагматично, не имеет представления о жизни в СССР и более подвластно влиянию государственной идеологической машины, в то же время к политике в большей степени равнодушно или же ищет в политике возможность заработка. Молодое поколение более коммерциализировано, подчас в ущерб этосу науки, вместе с тем его лучшие представители имеют опыт учебы в зарубежных университетах, знают языки, они более интегрированы в международное научное сообщество.

3

Я, скорее, ощущаю конфликтность взглядов людей одного поколения, проявившуюся, в частности, во время ситуации вокруг соцфака МГУ в 2007 г. Это яркая иллюстрация того, что по разные стороны баррикад оказались представители поколения, возродившего социологию в СССР и очень по-разному понимающего, какой должна быть наука и социология в частности (Ядов, Здравомыслов, Заславская и др. — с одной стороны, и Добреневков и К^о — с другой).

Среди как старшего, среднего, так и молодого поколения, есть и свои моральные авторитеты, и люди, нарушающие этические нормы науки, делающие на науке плохой бизнес. Подобное порождает подобное, плохая наука порождает новых псевдочученых и имитаторов, хорошая — создает дельных учученых, и порой кажется, что у первых больше последователей, чем у вторых. Разное отношение к науке передается из поколения в поколение, что дает основания говорить о том, что новые конфликты, подобные соцфаковскому, еще впереди.

Кроме того, для социогуманитарной науки характерна ситуация отсутствия незыблемых авторитетов. Если в математике точно понятно, что этот научный результат — выдающийся, а этот — посредственный, то в социологии представление о том, что хорошо, а что плохо, очень размыто. Силовое этическое поле социогуманитарной науки очень разнонаправлено, единых моральных авторитетов нет, социологическое сообщество очень разобшено, и это порождает ситуацию не очень нормальной (в терминах Куна) науки. Имитаторы и настоящие учученые работают в одних и тех же институтах, и первые порой более успешны в административной карьере и имитации успешной научной деятельности, мешая вторым спокойно заниматься наукой.

4

Общаясь как журналист с представителями разных сообществ (журналистского, политического, управленческого и др.), вижу, что разрывы идут скорее не по возрастному, поколенческому

му принципу, а по принципу этическому. Конфликты между людьми, с уважением относящимися к этике своей профессии, и теми, кто его нарушает, нередки. От настоящих профессионалов очень часто звучат слова о необходимости выработки Кодекса этических норм, о том, что тому или иному сообществу нужна самоорганизация, что нужны санкции сообщества против нарушителей таких кодексов. В журналистском сообществе одна из важных линий разрыва порождается разным отношением людей к проблемам свободы, демократии и авторитаризма, тем, в какой степени люди готовы ради заработка отказаться от представлений о свободе слова, совести, научной, журналистской добросовестности.

ВАРВАРА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

1

Перед тем как начать отвечать на вопросы, хочется сделать небольшое отступление. Все люди разные, и люди, занимающиеся наукой, отличаются от других очень немногим (пожалуй, наше основное отличие в том, что мы ничего другого не хотели бы, а может быть, и не можем делать). И говорить о поколениях приходится в несколько обобщенном виде. Само понятие «поколение» для нашего случая размыто. Мы интуитивно относим людей к тому или иному поколению не по дате рождения (которой зачастую не знаем), а по тому, какие взгляды они разделяют, к кому примыкают и, что особенно важно, с кем поддерживают отношения «на равных». Кроме того, в наше время стали появляться люди, отделившие себя от всех. Для них понятие «поколение» становится окончательно условным. Безусловно, внутри каждой группы люди разные. О многих представителях старшего поколения язык не повернется сказать, что они живут постулатами прошлого, в то же время я знаю немало молодых ребят, от статей которых веет сборниками «Фольклор как искусство сло-

Варвара Евгеньевна Добровольская
Государственный республиканский
центр русского фольклора,
Москва
dobrovolska@inbox.ru

ва»¹, хотя я не уверена, что они их читали. «Средней» группе вообще очень трудно дать оценку как некому единому целому. Поэтому, отвечая на вопросы «АФ», я буду основываться на той ситуации с взаимодействием поколений, которую наблюдаю именно я (не настаиваю, что мои наблюдения исчерпывающе полны и точны).

Мне кажется, что в науке конфликта возрастов нет (или он есть, но это чисто человеческий конфликт), а вот конфликт старых и новых идей, старых и новых тем и объектов исследования, безусловно, есть. И именно по тому, сторонником каких научных подходов являются те или иные исследователи, как они реагируют на непривычное, что является для них аргументом в научной дискуссии, и определяется их принадлежность к поколению старых или молодых ученых. К сожалению, в данном случае среднего не дано. Тем не менее принято выделять в науке три «поколения».

С моей точки зрения, поколения в науке нельзя однозначно выделять по принадлежности к старшей, средней или младшей *возрастной* группе. Эти группы не представляют собой безусловного единства, внутри каждой можно выделить несколько подгрупп, представители которых зачастую относятся друг к другу крайне негативно, а люди, относящиеся к разным возрастным группам, могут разделять взгляды друг друга и представлять очень сплоченный коллектив. Все же, вероятно, говоря о своем поколении, нужно иметь в виду прежде всего группу людей, которые вместе с тобой входили в науку, т.е. тех, кто старше или младше тебя в среднем лет на пять. Итак, согласно этим критериям я вхожу в группу людей примерно 36–45 лет. Наверное, для социологов мы весьма интересный объект исследования, поскольку являемся поколением, вошедшим в науку (несмотря на журналистский штамп) на сломе эпох. Мы, безусловно, среднее поколение, поскольку по возрастным критериям уже не можем быть молодыми учеными, а в силу большого сарказма по отношению к своему месту в науке многие из нас никогда не осознают себя классиками (хотя среди нас есть и живые классики, некоторые из которых гордо несут это звание). Мы завершающая группа представителей среднего поколения.

Если же задать вопрос о принадлежности моих ровесников к тому или иному поколению в науке людям, принадлежащим (по возрастным критериям) к старшему поколению, то они

¹ Как факт литературоведения сборники совсем неплохи, даже интересно, как вопросы традиционной поэтики решаются на фольклорном материале. Другое дело, что фольклор, с моей точки зрения, не позволяет рассматривать себя как текст, и анализ фольклорных произведений возможен только с учетом всех возможных контекстов бытования.

скорее всего скажут, что речь идет о молодых ученых: многие нас учили, многие знают по студенческим конференциям, которыми руководили; и практически все зовут нас по именам (с большей или меньшей степенью приятия). Для них я, как и то небольшое число моих ровесников, которые продолжают заниматься фольклором, навсегда останутся девочками, а иногда и мальчиками, несмотря на защищенные кандидатские и докторские, публикации в солидных и не очень солидных журналах, монографии, сборники текстов и т.д. Совершенно другая ситуация — с восприятием нас людьми, которые по возрастным критериям принадлежат к «молодым ученым» сравнительно с нами самими. В ближнем круге возрастные границы стираются, и о твоём возрасте вспоминают, либо когда надо подать документы на грант для молодых исследователей, либо когда читают статью, подписанную неизвестной фамилией, и сокрушаются о том, что такой талантливый автор ушел из науки (хотя автор может сидеть в соседней комнате, а ты помнишь только его девичью фамилию). Если же эти молодые не связаны с тобой общей работой и ты встречаешь их от случая к случаю на конференциях, то они (в силу большей или меньшей воспитанности) будут вежливы, уважая твой «почтенный возраст». Иногда этим людям приходится доказывать, что именно ты являешься автором статьи, которую они только что процитировали, и что, несмотря на то что они относят твоё творчество ко временам С.Ф. Ольденбурга, ты имеешь счастье слушать их доклад, не витая бестелесным духом над их светлой головой. Вот они-то относят тебя к старшему поколению. Так что возрастные критерии, вероятно, крайне субъективны.

Мы особая часть среднего поколения. Мы входили в науку, когда все менялось, мы еще сдавали экзамены по истории партии, но уже не цитировали классиков марксизма-ленинизма в наших дипломах (хотя точно знали, что нужно процитировать статью В.И. Ленина «Об образовании рабочих хоров в Германии»). На наших глазах уходили блистательные люди старшего поколения, разворачивались битвы между сторонниками фольклористики как подраздела литературоведения и фольклористики как субдисциплины антропологии (битвы, конечно, были и до нас, но на наших глазах эти битвы разворачивались при студентах, причем одна из сторон обычно не стеснялась в выражениях). Мы имели свое мнение по этому поводу, но могли его высказать только в кругу таких же, как мы: на серьезные конференции нас еще не пускали (трудно представить, что тебя не пускают на конференцию только потому, что ты студент; сейчас подобные действия рассматриваются только как несусветная глупость начальства). На наших глазах стано-

вилось все меньше и меньше исследований, связанных с классическими (если не сказать хрестоматийными) жанрами фольклора, и все больше и больше работ, авторов которых привлекали материалы, не упоминаемые на университетских лекциях и не собираемые на полевой практике; на наших глазах (и смею думать, что из наших рядов) появилась плеяда интересных исследователей, возникли новые научные журналы, были созданы новые учебные заведения, в которых фольклор изучали по новым программам и учебникам. Мы были одними из первых, кто оформлял гранты; мы видели, как из науки на время или навсегда уходили талантливые исследователи, которые были чуть старше нас и у которых смена эпох ломала налаженную научную карьеру; мы видели, как другие, пытаясь сохранить свою профессию, уезжали из страны преподавать в западные университеты. Нас было очень много на студенческих конференциях, в экспедициях и на защитах дипломов, мы все хотели заниматься фольклористикой и, несмотря на это, нас осталось очень мало в науке к настоящему времени. В конце концов, мы последнее поколение, которое может записать рассказ исполнителя ручкой в тетрадку (хотя есть кому напомнить, что нужно записывать простым карандашом) и кто помнит, что такое «Романтика» и для чего она нужна (для молодых: «Романтика» — это кассетный магнитофон с четырьмя толстыми батарейками; он годился для колки орехов, забивания гвоздей, гнета на бочку с соленой капустой — все равно по прямому назначению он не работал). Мы являемся одновременно теми, кто завершал одну эпоху, и теми, кто начинал новую.

В то же время мне кажется, что именно для нас, «хвоста середняков», нет самого понятия «поколение». Многие из нас тяготеют к старшим, другие — к младшим. Мы существуем в «межвозрастной» зоне, на нас равное влияние оказывают и те, и другие. Вероятно, мы могли бы позволить себе роскошь быть нейтральной стороной в любом споре, не вставать ни на чью сторону и оценивать реальные достижения, а не плохие характеры или связи с великими, но что-то не очень получается. Мы можем говорить и с теми, и с другими на их языке и оперировать их терминологией (нас учили одной, но сами мы выучили и другую). Мы последние, кто перенимал опыт у старшего поколения, но уже здраво оценивая это поколение. У нас уже были другие ориентиры, и эти ориентиры вызывали неудовольствие старших. Мы имели свое мнение (даже тогда, когда оно не было правильным), но наш голос не всегда был слышен и не всегда был слушаем. Нас мало по сравнению со всеми остальными, изменение социальных условий сильно проредило наши ряды. И мы, безусловно, не представляем собой груп-

пу, сообщество, единство — мы одиночки. До нас и после нас в науке есть группы однокурсников (например, легендарные курсы филфака МГУ, на которых учились Н.И. Толстой, В.П. Аникин и В.Г. Смолицкий; Ю.И. Смирнов, Ю.А. Новиков, Е.А. Костюхин, Б.П. Кербелите и Л.А. Астафьева) или выходцев из одного семинара (семинар В.Я. Проппа в Ленинграде и Н.И. Толстого в Москве). Они совершенно не обязательно разделяют взгляды друг друга, но они осознают себя представителями одного поколения, одной общности, у них общее прошлое. Скорее всего у нас такой возможности нет, мы ровесники, но единство, которое подразумевает понятие поколения, у нас отсутствует, хотя именно мои ровесники обычно выполняют функции «Справочника фольклориста», так как знают всех или почти всех людей, занимающихся фольклором.

2

Отличие одного поколения от другого обычно связано с правилами, которые им приходилось нарушать или соблюдать. Самые старшие представители старшего поколения прекрасно эти правила знали и нарушали их в рамках самих правил. Нарушавшие вне правил чаще всего становились объектом внимания совсем не научной общественности. Самые младшие из молодых, напротив, про правила и вовсе ничего не слышали, они придумывают правила под конкретную ситуацию (все время хочется напомнить, что по ходу игры правила не меняют). Наиболее спокойной является старшая и средняя часть среднего поколения, именно она богата, с моей точки зрения, талантами вообще и талантами с плохими характерами (которые так любит обсуждать старшее поколение) в частности. Именно они, а не старшее поколение (да простит меня уважаемая редакция «АФ») «вынуждены нести основной груз научной работы». Именно их перьям или компьютерам принадлежит большинство работ, интересных не только по материалу, но и по теоретическому обоснованию оногo. Они умеют работать и в силу достигнутого положения могут чаще делать то, что интересно, чем то, что нужно кому-то вышестоящему. Однако ближе к нижней границе средней группы среднего поколения появляются люди с нереализованными комплексами (возникшими, вероятно, в эпоху перестройки), которые не имеют смелости отстаивать свои взгляды (если, конечно, их имеют) и, лебезя перед людьми, занимающими какие-либо значимые места в науке, срывают свои проблемы на тех, кто моложе их или занимается наукой вне рамок академических институтов. Впрочем, если тут и не появилось множество блестящих работ, то добросовестными исследователями эта группа богата.

Отличительной чертой младшего поколения, с моей точки зрения, является, с одной стороны, одержимость работой, неор-

динарные подходы к изучению своего предмета, да и сам выбор этих предметов, а с другой — неспособность общаться в чисто человеческом плане; если возникает некая напряженная ситуация, они предпочтут отойти в сторону и работать там с видом оскорбленной невинности, но не попробуют выяснить причину напряжения, возникшего в коллективе (кстати, очень часто оно возникает именно из-за них). И еще мне кажется, что это поколение отличает крайняя непунктуальность (может быть, я ошибаюсь, но, по моим наблюдениям, они не могут прийти вовремя ни на свой доклад, ни на работу, ни на встречу с исполнителем, ни на вокзал — вопрос лишь в том, насколько опаздывают) и необязательность (мы все не сдаем работы вовремя, но в такой степени, в какой задерживают они, в других группах делают даже не немногие, а избранные, вошедшие в черные списки всех ответственных секретарей научных журналов и составителей сборников).

3

Конфликтность взглядов разных поколений существовала, видимо, всегда. Стереотипные высказывания старших («Вот в наше время небо было выше, масло вкуснее, профессора любили и холили студентов, а студенты все поголовно были не только гениальны, но и добросовестны») и младших («Боже мой, что за дремучее невежество и тупость проявляют эти мастодонты, кто их учил, что они читают, не говоря о том, что они пишут — видимо, это возрастное»), как и вечный конфликт отцов и детей, типичны не только для нашей науки. Заметим, что на молодых действует еще и некий миф об университетской профессуре, который разбивается о реальность (совсем немного профессоров совпадают с образом «настоящего профессора»). Однако мне всегда казалось, что помимо конфликта должно быть еще и активное позитивное взаимодействие, а сейчас остался только конфликт. Представители разных поколений, особенно старшие и младшие, но отчасти и средние, тяготеющие к старшим, общаются друг с другом как представители двух разных цивилизаций. Я не говорю об элементарной вежливости, это иногда еще встречается, хотя все реже и реже. Я говорю о стремлении понять оппонента. Оно исчезло: важно не то, что говорит он, а то, как я покажу себя.

Отсюда, с одной стороны, мы наблюдаем петербургский обычай задавать после доклада длинные вопросы, в которых обычно сообщается все, что автор знает по данной (или по близкой к данной, или по совсем другой — все зависит от виртуозности автора) теме, и следующий за этим ответ, в котором отвечающий делится своими широкими познаниями. С другой стороны, существует и московский вариант задавать докладчику

«два вопроса», которые обычно напоминают попытки озверевшего преподавателя достучаться до нерадивого студента, и сводятся они обычно к вопросу о знании выступающими исследований по тематике доклада и просьбе перечислить их. Обычно первое типично для младших, а второе для старших. Все бы ничего, если бы в вопросах нередко не сквозило презрение, а то и удивление по поводу самого существования людей другого поколения.

Кроме того, старшие и младшие находятся в конфликте относительно тем исследований. Так, старшие почтут (и судя по всему почитают) за ересь статьи типа «Игра в жмурки: сюжет, контекст, метафора» или «О зависимости функции текста от формы его бытования», в то время как молодые сочтут, что данные работы, хотя и могут быть предметом дискуссии, вряд ли подрывают основы. В то же время любая статья, связанная с изучением поэтики, образной системы, сюжета и композиции классических фольклорных жанров, вызовет на лице молодого ученого выражение безгливости, а старшее поколение, напротив, сможет оживленно спорить. Кроме того, молодые или тяготеющие к ним средние способны на написание с юмором статей о серьезных научных проблемах и чудесных «поздравиловок» или «юбилитов», на что старшие способны крайне редко, и чаще всего в их исполнении это напоминает некрологи (зато тут им нет равных — они помнят об умершем то, что о нем никто не знает, что придает некрологу определенную живость).

Не следует, конечно, забывать, что в стариках отчасти говорит обида: они достигли всего, пройдя все ступени карьерной лестницы, а в настоящее время одинаковые чины и должности, степени и звания вместе с ними имеют люди тридцати-сорока лет. Многие из них думают: «Ну как можно считаться с сорокалетним деканом одного из ведущих институтов страны, как можно ценить этого выскочку и автора весьма сомнительных работ?». Другое дело, что думать люди могут что угодно, а вот говорить это они будут вряд ли. А свое неудовольствие той или иной персоной будут выказывать в непонятных репликах, злословии за спиной или обидных высказываниях в адрес учеников. Хочется отметить, что младшие не забывают обид, хотя большинство из них прекрасно умеет это скрывать.

Для фольклористики последствия совершенно очевидны. Молодые набирают силу и через несколько лет о том, что фольклор изучают только на филологических факультетах, видимо, забудут, и фольклористика из филологической дисциплины превратится в одну из дисциплин антропологического характера, когда основным станет не вопрос «Что за текст бытует»,

4

а «Почему бытует именно этот текст, а двадцать других — нет». Для науки ничего плохого в этом, наверное, не будет, а люди приспособятся — они живучие.

Думаю, что разрыв между поколениями для российского общества — явление, относящееся не ко всем поколениям. Мне кажется, что он существует между старшими и младшими, а вот «средние» находятся в более или менее выгодной позиции: они взаимодействуют и с теми, и с другими (хуже или лучше, это другой вопрос). Я думаю, что у политической или управленческой элиты таких проблем нет. Там всегда существовала четкая возрастная иерархия. У литературной элиты, наверное, есть, но я затрудняюсь представить, что такое в настоящее время элита литературы, хотя далека от мысли одного школьника времен перестройки о том, что «литература у нас закончилась в марте на А.П. Чехове, а дальше так — что-то такое учим». Думаю, что на конфигурацию поколений в науке это никак не влияет, наука безусловно испытывает влияние окружающего мира, но живет по своим законам, а окружающий мир видит в основном миф о науке и людях, ее делающих.

БОРИС ДОКТОРОВ

Лестница поколений в постхрущевской российской социологии

При всей своей внешней простоте вопросы, вынесенные на обсуждение «Антропологического форума», совсем не просты. И дело не в сложности поколенческой самоидентификации, т.е. отнесения себя к той или иной профессионально-возрастной когорте, а в том, что в российской социологии нет общепринятой типологии таких поколений. Подобное обстоятельство прежде всего определяется молодостью науки; на протяжении нескольких десятилетий проблема внутринаучных поколений как предмет историко-научного анализа просто не могла возникнуть. Сейчас живы и продолжают активно работать социологи, помнящие то время, когда все члены этого зарож-

Борис Зусланович Докторов
Независимый аналитик,
Фостер-Сити, США
bdoktorov@inbox.ru

давшего профессионального сообщества знали друг друга лично или по крайней мере слышали друг о друге. Более того, у них были основания считать, что до них в стране вообще не развивалась социология. Вопрос очерчивания системы профессионально-возрастных групп обозначился лишь в последние 15–20 лет, одновременно со стремлением ученых понять корни современного этапа развития российской социологической науки.

При исследовании биографии и творчества основоположника научной технологии изучения общественного мнения Джорджа Гэллапа (1901–1984) мне удалось прочертить его профессиональную генеалогию и показать его принадлежность к четвертому поколению американских психологов [Докторов 2008а]. Представители первого поколения психологов Нового Света учились у Г. Фехнера, Г. Гельмгольца, Ф. Гальтона, Ж.-М. Шарко и В. Вундта. Старшие из учителей Гэллапа были младшими прямыми учениками этих классиков европейской психологии, но одновременно они учились у своих американских наставников, формировавших концептуальный базис и систему методов американской психологической науки. Психология в США развивалась непрерывно, каждое новое поколение *знало* своих учителей и учителей их учителей.

В недавнем интервью («В России нужно сохранить все здоровые самобытные формы науки и образования»: Интервью Ю. Ильяшенко Н. Деминой <<http://www.polit.ru/science/2009/07/14/ilyashenko1.html>>) профессор Юлий Ильяшенко, поступивший на механико-математический факультет МГУ в 1960 г., отметил важность традиций в математике и легко прочертил траекторию, связывающую его с профессорами Д.Ф. Егоровым (1869–1931) и Н.Н. Лузиным (1883–1950), основателями современной московской математической школы. От них легко перейти к Н.В. Бугаеву (1837–1903), Н.Е. Жуковскому (1847–1921) и русским математикам, работавшим еще раньше. Это значит, что сегодня несколько поколений математиков, учившихся у Ильяшенко и его сверстников (это и моя возрастная когорта), могут — и ряд специалистов реально способен это сделать — обозначить «траекторию преемственности» более чем столетней продолжительности.

У российских социологов нет такой возможности. В последние годы многое делается для *возрождения* прошлого, для, используя математическую терминологию, «сглаживания» процесса развития отечественной социологии, придания ему черт непрерывного. Однако в этой желанной единой, цельной, неделимой истории не будет одного *принципиального* для развития науки момента — человеческой, творческой, живой связи по-

колений, начавших работать после «оттепели», с их профессиональными предшественниками. Не будет передачи тепла рукопожатий. Никто даже из советских / российских социологов первого поколения не мог и не может сказать относительно кого-либо из столпов дореволюционной русской социологии: «Нас заметил и, в гроб сходя, благословил».

В 2008 г. российская социология отметила полувековой юбилей своего современного развития. На этом пути было множество проблем самого разного характера, тем не менее за прошедшие десятилетия в стране сложилось профессиональное социологическое сообщество, включающее различные механизмы накопления и передачи многообразного профессионального опыта. Таким образом, есть все основания говорить о существовании внутри этого единого сообщества ряда поколений, в чем-то схожих и в чем-то различных. Принципиальным для понимания некоторых процессов, происходящих в современном российском социологическом сообществе, является то, что в настоящее время оно объединяет *все* поколения ученых, причастных к становлению и развитию отечественной социологии. Те, кто сейчас только включается в познание общества, и те, кто полвека назад инициировал проведение первых социологических исследований в СССР, встречаются в университетских аудиториях и лабораториях, обсуждают содержание новых научных проектов, дискутируют по поводу собственно социальной проблематики и методов ее познания. Есть то, чего не было полвека назад: младшие имеют возможность приобрести исследовательский опыт старших из первых рук или у людей, многие годы работавших с ними. Мэтры, что для них крайне важно, могут передать накопленное и тем самым обеспечить нормальное развитие науки. Всевозможные формы межпоколенческого общения *цементируют* профессиональное сообщество, содействуют его более быстрому и качественному росту и обеспечению непрерывности развития научного знания.

Ответам на вопросы «Форума» я предположу ряд общих суждений о системе поколений, на мой взгляд, сложившейся внутри российской социологии [Докторов 2008б]. Безусловно, многое в развитии *различных* научных дисциплин универсально, и потому существует общее в становлении внутринаучных поколений и взаимоотношений между ними. Однако мне хотелось бы говорить не об общем, но о *частном*, обнаруженном мною в особенностях строения лестницы поколений в постхрущевской российской социологии. Опять же, не думаю, что присутствующее становление этих поколений уникально, скорее всего кое-что из описываемого здесь может быть выявлено и в процессах развития других научных сообществ в СССР, но этой темы я не касаюсь.

Социология — молодая ветвь на древе наук, тем не менее есть все основания говорить о том, что уже на рубеже XIX—XX вв. в России проводились теоретические и прикладные исследования, относимые к ней, публиковались книги, в ряде журналов были разделы, секции по этому исследовательскому направлению, велась подготовка кадров. Другими словами, закладывались предпосылки для *нормального* (непрерывного) развития социологии и формирования *нормальной* системы отношений между «отцами» и «детьми» внутри этого профессионального сообщества. Более того, российская социология, наряду с поисками *самости*, рассматривалась ее создателями как часть западной социологической науки.

Революция, Гражданская война, острые идеологические баталии между русскими учеными, придерживавшимися существовавших в России и на Западе философских и социологических воззрений, и новыми людьми, отстаивавшими позиции воинствующего марксизма-ленинизма как становящейся идеологии страны, философской основы всех наук и политики, затем Великая Отечественная война привели к тому, что к середине прошлого века в стране не существовало социологии. Слово «социология» использовалось лишь в сочетании «буржуазная социология», даже в ведущих университетах страны не читались курсы социологии.

Под влиянием совокупности политических, идеологических процессов, получивших в нашей истории название «оттепель», в конце 1950-х гг. в Москве, Ленинграде, ряде сибирских и поволжских городов, в некоторых республиках Союза стали создаваться социологические лаборатории, проводиться на договорных началах теоретико-эмпирические социологические исследования, вестись дискуссии о предмете марксистской социологии. Тогда же оформилась и стала активно функционировать Советская социологическая ассоциация.

Молодые ученые, начавшие называть себя (точнее сказать — не побоявшиеся называть себя) социологами, как правило, имели философское, историческое, экономическое образование, однако никто из них не обладал специальной подготовкой в области социологии. Они не были знакомы с теоретическими концепциями зарубежных социологов, не знали основных правил, методов сбора эмпирических данных, не владели приемами математической обработки информации. Не имели они знаний (иногда лишь смутные представления) о дореволюционной российской социологии и работах советских социологов в 1920—1930-е гг.

Суммируя сказанное, отмечу, что в наше время все происходившее тогда естественно рассматривать как *второе рождение*

советской / российской социологии, а молодых ученых, стоявших у истоков этого научного направления, считать *первым поколением* советских социологов. Не претендуя на то, чтобы привести полный перечень всех этих людей (хотя их было немало, возможно, не более полусотни человек), назову имена тех, кто сегодня большинством нашего сообщества признается лидерами. Это, к примеру, Г.М. Андреева, И.В. Бестужев-Лада, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, Ю.Н. Давыдов, Л.Н. Коган, И.С. Кон, С.А. Кугель, Ю.А. Замошкин, А.Н. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, М.Н. Руткевич, Р.В. Рывкина, А.Г. Харчев, О.И. Шкаратан, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. Тем из пионеров отечественной социологии, кто дожил до наших дней, сейчас 80 лет или немного больше.

Изучение биографий представителей первого поколения советской социологии показывает, что большинство из них родились в интервале 1923–1934 гг. с центром, приходящимся на 1928–1929 гг. (табл. 1). В момент второго рождения советской социологии они были молодыми кандидатами, лишь единицы — докторами наук. Их взгляды на общество формировались на событиях и биографиях героев революции и Гражданской войны, на материалах о Великой Отечественной, на обрывочных сведениях о борьбе с «врагами народа». В 25 лет (кто чуть раньше, кто чуть позже) они глубоко пережили смерть Сталина, и разоблачение культа личности стало для многих сначала личной драмой, потом — импульсом к стремлению по-новому взглянуть на общество, в котором они жили. Это поколение шестидесятников.

Таблица 1

Семь поколений советских/российских социологов

Поколение российских социологов	Годы рождения	Центр интервала рождения поколения	Условное название поколения
Первое	1923–1934	1928–1929	шестидесятники (первая волна)
Второе	Вторая половина 1920-х — 1934		шестидесятники (вторая волна)
Третье	1935–1946	1940–1941	военное
Четвертое	1947–1958	1952–1953	первое послевоенное
Пятое	1959–1970	1964–1965	послеоттепельное
Шестое	1971–1982	1976–1977	предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	1988–1989	дети перестройки

Второе поколение — особое в предлагаемой типологии. Его «странность» заключается в том, что его представители по возрасту в среднем лишь ненамного моложе ученых, образующих первую возрастную когорту; как личности «вторые» формировались в том же социальном пространстве, что и «первые». Однако в силу личных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых». Возникновение именно такого второго поколения — прямое следствие, или индикатор, *ненормального* развития социологии в стране: аномалия заключается в том, что представители второго поколения, будучи ровесниками «первых», были их первыми учениками.

Большая часть моей профессиональной жизни проходила в Ленинграде (это было до возвращения ему его исторического имени), потому ограничусь тем, что назову лишь тех представителей второго поколения советских социологов, которые, на мой взгляд, внесли наибольший вклад в формирование ленинградской социологической школы. Среди них: А.Н. Алексеев, Я.И. Гишинский, С.И. Голод, С.В. Иконникова, П.Н. Лебедев, И.И. Лейман, Л.Н. Лесохина, В.Т. Лисовский, Б.И. Максимов, Э.В. Соколов, И.И. Травин, Б.М. Фирсов.

Пока сложно сказать, чем в своем мироощущении и творчестве второе поколение отлично от первого, об этом можно будет говорить лишь по итогам специальных историко-научных исследований, тем более что многие из «старейшин» нашего цеха продолжают активно работать. Оба этих поколения относятся к шестидесятникам. Но «первые», так сложились их судьбы, входили в социологию *азартно*, «вторые» — более трезво, взвешенно, им приходилось *отказываться* от раннее избранного ими профессионального пути (среди них были журналисты, партийные и комсомольские работники, юристы, учителя и т.п.). Некоторые из них приходили в социологию в результате глубокого пересмотра своих политико-нравственных воззрений. Не имея «пространства» для аргументирования этого допущения, скажу, что оно вытекает из проведенных мною интервью с представителями этих двух групп социологов, ряда их книг и мемуаров.

Тот факт, что отнесенным мною ко второму поколению социологов уже было у кого учиться, чей опыт перенимать, является главным критерием для включения всех их во вторую когорту советских/российских социологов. Возраст здесь является вторым, дополнительным, сопровождающим критерием.

Процесс выделения этих двух профессиональных групп, базировавшийся не на каких-либо *априорных* теоретических посылах, а *исключительно* на анализе эмпирического, биогра-

фического материала, позволил ввести *два критерия* для построения полной лестницы поколений постхрущевской советской / российской социологии: возраст и способ вхождения в науку. Каждый в отдельности критерий *недостаточен*. Критерий «возраст» не требует развернутой операционализации: есть год рождения. Способ вхождения в науку — более сложный конструкт, в общем случае, говоря о том, как человек стал профессионализироваться в социологии, я имею в виду прежде всего его базовую профессию (в СССР долго не существовало профессии «социолог») и ряд общих характеристик становления его карьеры уже «внутри социологии».

Анализ биографий тех, кто мог претендовать на вхождение в третье поколение советских / российских социологов, показал, что заметная часть этих исследователей родилась в интервале 1940–1941 гг. Поскольку это двухлетие отстоит ровно на 12 лет (это *эмпирический* результат) от центра интервала рождения представителей первого поколения, было решено строить общую лестницу поколений со «ступенями» в 12 лет. Мне представляется, что модель поколений *одинаковой продолжительности* лучше, проще, экономичнее, чем схема с поколениями разной «временной толщины». Такая схема избавляет от множества *ad hoc* построений и в главном удовлетворяет общенаучным критериям (введенным Альбертом Эйнштейном) *внутреннего совершенства* и *внешнего оправдания*. С принятием правила 12-летних поколений в российской социологии легко обозначаются все последующие профессионально-возрастные когорты (см. табл. 1).

Одной из особенностей третьего поколения, которая обнаруживается в специфике его вхождения в социологию и определяет его роль в становлении советской / российской социологии, является характер базового образования значительной части его представителей. Так, среди них значительно выше, чем в первых двух поколениях, доля тех, кто пришел в социологию, имея математическое, физическое или техническое образование. Обращусь снова к процессу формирования и развития ленинградской социологической школы. С указанным характером базового образования в социологии стали работать, например, Б. Докторов, Л. Докторова, С. Розет, В. Рукавишников, Г. Саганенко, Н. Серов, Е. Смирнова, Ю. Шеголев, в технических вузах начинали обучение В. Голофаст и Л. Кесельман. По своим политическим взглядам, общему мироощущению третье «военное» поколение можно назвать младшими шестидесятниками. Однако в своих философских представлениях они были более близки к позитивизму, чем к марксизму, а в отношении к окружавшему их социальному миру — менее романтичны, чем их старшие коллеги.

Первое поколение, почувствовав время и ощутив свои силы, оторвалось от традиционного для тех лет теоретико-идеологического познания общества и перешло к его наблюдению и измерению. Второе активно способствовало расширению предмета нового типа обществоведческих исследований и внесло в нарождавшуюся советскую социологию свой к тому времени уже немалый жизненный, практический опыт. В третьем оказалась много математиков, поскольку необходимо было налаживать обработку больших массивов первичной информации.

Одну из главных задач продолжающейся работы по построению типологии поколений в советской / российской социологии я вижу в валидации предлагаемой типологии. И здесь укажу два направления исследований. Первое — определение степени «близости» архитектуры этой профессионально-возрастной конструкции с поколенческими типологиями, построенными с иными целями и на иных принципах. Второе — поиск *соотнесенности* особенностей профессионального (и не только) сознания представителей обозначенных семи поколений с характеристиками макроструктуры, в которой проходила их социализация.

Специальный анализ указывает на близость архитектуры предлагаемой поколенческой лестницы с 12-летними ступенями к ряду общих социально-поколенческих типологических структур, опирающихся на исследования адаптационных механизмов общества. В частности, имеются в виду 4-летние и образованные из них 13-летние периоды внутренней организации индивидуальной деятельности [Савельев]. Не имея возможности подробно останавливаться на интерпретации, описании содержания выделенных выше семи временных интервалов, отмечу лишь, что центры этих интервалов (третий столбец в табл. 1) являются переломными моментами (*tipping points*) и они ограничивают так называемые *нусогенные периоды* российской истории [Маслов, Прудник].

Важнейшим атрибутом предлагаемой модели поколенческой стратификации является *открытость* временных интервалов, обозначенных в табл. 1; другими словами, хронограницы трактуются как «мягкие». Отсутствие жесткого разделителя между поколениями позволяет обоснованно решать два вида задач. Во-первых, при необходимости можно объединять, скажем, «младших» какого-либо поколения со «старшими» следующего. Во-вторых, при изучении творчества какого-либо конкретного ученого, формально принадлежащего к одному из поколений социологов, с учетом ряда обстоятельств можно отнести именно его к поколению предыдущему или

следующему. Это возможно в тех случаях, когда годы рождения ученых находятся в начале или конце выделенных поколенческих интервалов.

Но возникают и более сложные случаи, связанные с отношением тех или иных исследователей к одному из профессиональных поколений. Пример: петербургский (ранее — самарский) социолог Будимир Тукумцев. Он — ровесник тех, кто образует первое поколение отечественных социологов. Но в нашу науку он пришел в начале 1970-х гг., когда многие из представителей второго поколения уже защитили кандидатские диссертации и стали признанными специалистами. Более того, к тому моменту и социологи третьего (военного) поколения тоже обладали значительными исследовательскими навыками, некоторые защитили диссертации или завершали работу над ними. Однако большой опыт хозяйственного и партийного руководителя, накопленный до прихода в социологию, искреннее стремление искать способы решения проблем на производстве, обостренное чувство нового в социальной сфере быстро вывели Тукумцева из положения «ученика» в одного из ведущих советских / российских социологов труда. Кроме того, Тукумцев сыграл существенную роль в создании очень сильного Поволжского социологического сообщества.

Таким образом, особенности развития социологии в России, отсутствие непрерывности этого процесса создают дополнительные сложности при решении вопроса о принадлежности ученых к той или иной профессионально-возрастной когорте. Но можно предполагать, что эхо событий, происходивших в 1930-е гг., будет утихать, процесс движения науки будет нормализоваться и конструкция лестницы поколений будет упрощаться.

Теперь кратко отвечу на вопросы, стоящие в центре обсуждения «Форума».

- 1** Я отношусь к третьему поколению. Поскольку все относящиеся к этому поколению уже перешагнули 60-летний рубеж, думаю, что в настоящее время его представители относятся к ряду старших научных поколений.
- 2** В целом — указано выше.
- 3** В развивающейся науке конфликты научных взглядов обязательны, они — естественное следствие изменений изучаемого социологами мира и объективного процесса смены научных парадигм. Как правило, в устойчивом профессиональном сообществе, действующем на основе определенных этических

конвенций, кодексов, научные конфликты не перерождаются в конфликты между учеными. Существование таких конфликтов — индикатор не завершенного до конца процесса оформления профессионального сообщества.

4

На мой взгляд, вопрос — очень специальный и не имеет краткого ответа.

Библиография

Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП, 2008а. <<http://www.pseudology.org/Gallup/ReklamaOprosy.pdf>>.

Докторов Б.З. Современное российское социологическое сообщество: поколенческая стратификация. Сообщение, подготовленное для методологического семинара памяти Г.С. Батыгина «Проблемы теории и практики получения первичных данных в социологических исследованиях» (Москва, Институт социологии РАН, 25–26 апреля 2008г. г.). <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doctorov_gener.html>.

Маслов О., Прудник А. Странные 12-летние циклы Российской истории <<http://www.polit.nnov.ru/2006/09/05/uraboros/>>.

Савельев В.Г. Проект «Социум как адаптационная система: деятельность, общество, власть» <<http://sociology.vg-saveliev.ru/index.html>>.

ЛЕОКАДИЯ ДРОБИЖЕВА

Отвечу кратко, потому что мне кажется, что тема давно проговорена.

1

Отношу себя к старшему поколению по критерию возраста. Черты моего поколения в сравнении с молодым и средним — большая толерантность, высокая требовательность к себе и меньшая конкурентоспособность.

2

Молодое поколение отличается тем, что в нем больше доля людей с высокой эрудицией, больше прагматиков, меньше готовых работать ради научного интереса и общественных целей.

- 3 Конфликтность взглядов ощущаю не по поколениям, а по убеждениям.
- 4 Связь с конфигурацией поколений в обществе и науке существует.

ТАТЬЯНА ЗОЛотоВА

Я отношу себя (имея в виду возраст — 45–55 лет) к среднему поколению российской провинциальной интеллигенции. При этом сочетание «провинциальная интеллигенция» имеет для меня знаковый характер. Я хорошо знаю большинство представителей гуманитарной вузовской науки республики одного со мной возраста. Это, как правило, люди моего круга, выросшие в интеллигентных семьях, по преимуществу городских и сельских учителей и врачей, небольшая часть из них — из семей управленческой элиты. Так сложилось, что многие из нас завершали свое образование в аспирантурах Московского и Санкт-Петербургского (Ленинградского) университетов, там же защищали кандидатские и докторские диссертации, при этом связи со столичными вузами постоянно поддерживались (стажировки, ФПК, конференции). В период нашей «советской» молодости (начало 1980-х) в данных вузах уже сложились научные направления и школы и подготовка кадров для разных регионов страны велась широко и основательно. На филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, разные его кафедры за год поступало около 80 (мы специально считали) аспирантов из стран социалистического содружества, практически всех союзных и автономных республик, а ведь существовали еще аспиранты второго и третьего года обучения. И это было действительно молодежное научное сообщество. Я помню, как аспиранты кафедры общего языкознания и прикладной

Татьяна Аркадьевна Золотова
Марийский государственный
университет, Йошкар-Ола
zolotova_tatiana@mail.ru

лингвистики задавали мне вопросы относительно базовых исследований по фольклористике и несколько успокоились, когда были названы имена А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, Р. Якобсона и др.

Мне кажется, что у представителей провинциальной интеллигенции среднего поколения еще сохранился энтузиазм (по крайней мере, на дополнительную и неоплачиваемую работу, а без нее наш вуз, например, просто не выстоял бы, легче «поднять» 50-летних, чем молодежь), преданность филологии (я не слышала, чтобы кто-то пожалел о своем выборе), уважение к «великим старикам» (филологам старшего поколения), сознание того, что они были ярче и основательнее. Уже почти как легенду я рассказываю студентам и лицеистам, как некоторые профессора приносили нам в общежитие на одну ночь еще запрещенные тогда книги М. Булгакова (и парни-аспиранты заучивали их целыми страницами наизусть), А. Ахматовой, А. Платонова и др. Я помню, как Л. Бараг очень удивлялся, что мы не знаем, например, биографии П.Г. Богатырева, и часами напролет рассказывал о периоде их молодости. Не случайно при появлении в 11-й аудитории МГУ Р. Якобсона возникла настоящая давка, молодежь стояла плотными рядами. Сейчас даже представить такое невозможно!

К отрицательным чертам среднего поколения (конечно, есть исключения и, наверное, их больше, чем я думаю) я отношу конформизм. И это не только вина поколения, но и его беда. Нам рано дали понять, что для успешного продвижения по служебной лестнице важно умение сделать хороший отчет, серьезной проверкой деятельности, ее результатов в то время как-то уже не очень себя утруждали. Будучи еще совсем молодыми людьми, мы поняли, что использование марксистско-ленинской методологии в научной и общественной работе не более чем условность. И этому во многом способствовала позиция ряда наших вузовских преподавателей. Сейчас понятно, что они так поступали из лучших побуждений, эта философия уходила в прошлое, надо было посеять семена недоверия и скептицизма. Но лучше бы, если неприятие ими такого рода идеологических установок высказывалось открыто (только действительно редким людям дано умение «чувствовать ход истории собственной кожей»), а в начале 1980-х гг. предпочли *игровое* к ним отношение. Например, на вступительном аспирантском экзамене по истории партии одному из абитуриентов предложили осветить содержание письма тогдашнего руководителя партии, опубликованное в газете «Правда» в день экзамена, он честно ответил, что не читал. Члены комиссии улыбнулись, а один из них спросил: «А разве вы не можете предположить, о чем там говорится?». В свою очередь на кандидатском

экзамене по философии вместо марксистско-ленинской теории происхождения искусства воспроизводится концепция первобытного синкретизма А.Н. Веселовского. Трудно заподозрить комиссию в незнании вопроса, там были замечательные специалисты, в том числе и любимые нами, но ответ оценен на «отлично».

Может быть, с этим и связан тот факт, что среди представителей научной интеллигенции нашего поколения нет крупных общественных деятелей, подобных Д.С. Лихачеву, способных, например, повлиять на позицию правительства, отстаивать важность и приоритеты нашей науки перед лицом всего общества.

Но все-таки к чести поколения надо сказать о стремлении сохранить и передать то лучшее, что есть в нашей профессии, молодежи, об укрепляющемся с годами чувстве ответственности за все происходящее в стране.

ЛЕВ КЛЕЙН

Смена поколений и проблема преемственности

Помнится, Джорджу Оруэллу принадлежит изречение: «Каждое поколение считает себя более умным, чем предыдущее, и более мудрым, чем последующее». В наше время и в нашей стране эта самооценка поколений приобретает реальный и зловещий смысл.

Поколение, генерация — это сверстники в их соотношении со старшими и младшими: со старшими братьями, а также с отцами и дедами, с одной стороны, с младшими братьями, детьми и внуками — с другой. В таком понимании «поколение» — термин условный. Это сообщество сверстников, позиционирующее себя на скользящей шкале, потому что возраст меняется: вчера это было младшее поколение, сегодня оно стало средним, а завтра будет старшим. Число лет, которое можно отнести одному поколению, тут неопределенное, потому что

при скользящей шкале это вообще момент, а момент неуловим. Ведь в детстве мы считаем сверстниками только своих одноклассников, во взрослом состоянии один и тот же возраст охватывает по меньшей мере десятилетие, а все старики чувствуют себя сверстниками.

Такое демографическое понимание поколений, любопытное для психологии, бесполезно для рассмотрения развития науки. Вполне очевидно, что для науки, да и для социального анализа общества имеет значение другой подход к поколению — подход с точки зрения *теории поколений* У. Стросса и Н. Хау [Strauss, Howe 1991]. В поколении имеет смысл видеть всех работников, всех деятелей, формирование которых проходило в одинаковых исторических обстоятельствах, в один и тот же сравнительно короткий период между двумя заметными социально-политическими событиями. Такой период налагает свой отпечаток на облик, настрой, ценности и убеждения людей, близких по возрасту, и формирует из них одно поколение в социальном плане. Под формированием я имею в виду не школу и вуз, а самостоятельную работу.

Так, в русской культуре заметно поколение шестидесятников XIX в., поколение Серебряного века, в политике — думские поколения начала XX в., движущиеся к революции, поколения мировой и Гражданской войн и военного коммунизма, поколение нэпа, затем поколение Сталинского террора, затем военное поколение Отечественной войны, после него поколение Сталинской империи, потом поколение Хрущевской оттепели — новые шестидесятники, за ним — Брежневский застой (растянувшееся надолго и слабо менявшееся поколение), потом поколение Горбачевской «перестройки», затем рванувшееся к свободе поколение 1990-х, в котором демократы перемешаны с «новыми русскими», и, наконец, современное раздвоенное поколение Путинского капитализма с его всевластием чиновников и ностальгией по Сталинской империи, с одной стороны, и по «многообещающему прошлому» 1990-х — с другой.

Вот в нынешней науке можно различить поколения, сформировавшиеся в шесть последних периодов. От военного поколения в рядах действующей науки практически никого не осталось. Людям Сталинской послевоенной империи ныне по 75—85 лет, некоторые из них еще в чести и авторитете, но руководить не могут. Поколение Хрущевской оттепели, включающее шестидесятников, — это нынешние старики, которым по 65—75 лет. Они еще занимают иногда места в руководстве научных коллективов, но уже выбывают из строя. Среднее поколение, которое реально руководит наукой, — это поколение, сформиро-

ровавшееся в Брежневском застое. Им сейчас от 45 до 65 лет. Они быстро превращаются в старшее поколение науки.

Более молодые поколения — Горбачевской «перестройки» и 1990-х — это люди, которым сейчас меньше 45 лет. Они должны были бы стать основным костяком науки, но они в массе в науку не пошли. Они ушли в политику, СМИ и бизнес. В науке в это время был развал, отсутствие финансирования и разрушение структур. Научные сотрудники, те, кто по психологическим причинам не мог оставить свои научные занятия, подрабатывали «водилами» и грузчиками, это не могло привлечь способную молодежь.

Наконец, молодежь, сформировавшаяся в путинское время, — те, кому сейчас от 20 до 35. При наличии способностей и успехов они, владея языками и не имея комплексов, запросто уезжают из страны — в Америку и Германию, в Китай. Из этого поколения в России остаются беспринципные карьеристы, рвущиеся в чиновники, и простенькие провинциалы, используемые для Селигера. В науку просачиваются отдельные энтузиасты, образуя одиночные блестящие в балласте.

Это естественно. Молодому человеку нужно обзаводиться семьей, приобретать квартиру, а на несколько тысяч рублей зарплаты и себя не прокормить, а свое жилье им не светит даже в мечтах. Своё будущее молодые видят в нас, ученых, вышедших «на покой», в наших нищенских пенсиях, а подумавши, понимают, что скорее всего, учитывая все перипетии с пенсионным обеспечением, им и этой пенсии не видать. Наука — она же учит рассчитывать и прогнозировать...

По настрою меня причисляют к шестидесятникам [Формозов 1995: 85–86; 2004: 88], но в шестидесятые мне было уже около сорока. По возрасту я принадлежу к самому старшему (из живых) поколению, которое в войну было подростками, даже еще успело в самом конце побывать на фронте, вуз оканчивало уже после войны и начало работать в Сталинской послевоенной империи. В ней и сформировалось, училось выживать и даже радоваться достижениям в условиях двойной морали. Одна мораль была книжной, идеалистической («где так вольно дышит человек»), а другая — реальной, моралью непрерывных проработок и репрессий (направленных на «безродных космополитов», «формалистов», «менделистов», генетику, кибернетику, социологию и т.д.). Главным фактором, определявшим состояние наук в это время, был марксизм. Обязательный марксизм был клеймом, лежавшим на всей советской науке, особенно на социальных и гуманитарных дисциплинах, и жестко отделявшим советскую науку от мировой. Он был сродни средневеко-

вой религии — со Святым Писанием, житиями, ересями, инквизицией. И как тогда, можно было отстаивать некоторые научные истины даже в рамках религиозной учености (конечно, с потерями).

Это поколение, для которого преодоление марксизма было трудным и драматическим делом, для некоторых так и не состоявшимся до доклада Хрущева, а для какой-то части населения — и до сих пор. Мне по ряду причин удалось освободиться от этих догм еще в юности, так что дальше приходилось жить с двойной идеологией: одной напоказ, другой — внутренней, по совести, для себя. Приходилось стараться жить в постоянной маске так, чтобы маска не приросла к лицу и чтобы научные работы формально выглядели в соответствии с маской, но по основному содержанию соответствовали внутренней убежденности и совести. Это было очень трудно, но возможно (см. главу «Чтение между строк» в моей книге «Феномен советской археологии» [Клейн 1993: 81–89]).

Этим и было обусловлено мое последующее включение в поколение шестидесятников, несмотря на возраст. Шестидесятники и их идейные противники-коммунисты Хрущевского времени были проникнуты одинаковым оптимизмом «оттепели», только разной направленности. Сам Хрущев и его партийные соратники прогнозировали, что коммунизм наступит в 1980 г. — одни искренне, другие лицемерно. Конец этому оптимизму положил брежневский поворот к некоторому обелению сталинизма и, конечно, выступление наших танков против «социализма с человеческим лицом» в Чехословакии в 1968 г. В науке это означало ужесточение догматизма во всех дисциплинах: истории, философии и др. Во всякой свежей мысли идеологи-церберы видели проявление чешской угрозы (как сейчас — оранжевой угрозы).

От шестидесятников и коммунистов Хрущевского времени, ныне стариков, следующее поколение отличалось, с одной стороны, беспросветностью перспектив на реформы, а с другой — приспособленностью к существованию в состоянии застоя (за исключением одиночек-диссидентов). В каждой отрасли (в том числе в каждой научной дисциплине) назначался один воевода, который со всей полнотой власти следил за тем, чтобы все было тихо и выглядело прилично, а как на самом деле, верхам было наплевать. В таких условиях многое зависло от личности воеводы и сложившихся местных условий (см.: [Клейн 2010]). Где-то было очень туго и напряженно, а где-то можно было работать на мировом уровне (по крайней мере, до поры до времени). Естественно, в таких условиях вырастало поколение довольно спокойное и циничное.

Горбачевская «пятилетка перестройки» возникла на фоне кризиса советской экономики. Социализм не выдерживал гонки вооружений с капитализмом. Демократические реформы Горбачева зашли дальше, чем он намечал, из-за его наивности. Он ведь думал, что достаточно кое-что изменить в структуре советской власти, и все наладится. А оказалось, что достаточно вынуть кирпичик (от репрессий к «гласности») — и все рушилось. Но поколение, выросшее в условиях гласности, резко отличалось от предшествующего. Оно было готово к переменам и жаждало их — как в обществе, так и в науках.

Однако советская власть пала не в результате революции, она рухнула сама. Одновременно развалился Советский Союз — наследник Российской империи. Все империи когда-то распадаются, но распад Советского Союза был заложен еще при Ленине — созданием национальных республик внутри империи. Ельцин лишь завершил то, что начал Ленин. Поколение 1990-х выросло в абсолютно новой среде — в условиях демократии и экономического хаоса, быстрого обогащения немногих и обнищания масс, идейной пестроты и кризиса марксистской идеологии.

Ясно, что это поколение отличается исключительным разнообразием во всем. Одни ринулись в бизнес, и деньги стали для них идолом. Другие бросились в политику — в самые разные партии. Третьи восприняли падение советской власти как бедствие, а развал Советского Союза — как геологическую катастрофу. Четвертые проклинали всех: и левых, и правых — и обвинили во всем инородцев и соседние государства. Все это также отражается на общественных и гуманитарных науках: в них идут те же споры, но науки по указанным причинам резко ослабели, и все эти споры стали проходить на полудилетантском уровне. Для этого поколения стали исчезать границы между науками, лженауками, мистикой и религией.

На этой почве Путин и сумел создать свой автократический режим, основанный на тоске значительных масс народа по твердой руке «хозяина», на ностальгии многих по империи. Отсюда необходимость пропаганды соответствующих этим ожиданиям великих дел и побед, в том числе и научных свершений. Однако в этом режиме цели истинные резко расходятся с целями прокламируемыми. В прокламируемых целях — соревнование с Америкой, борьба за первенство в мире. В реальности — гораздо более скромные экономические интересы элиты, сгруппировавшейся вокруг власти. Науке в этом расписании места нет. США тратят на науку 400 млрд долларов в год, мы — шесть. О каком соревновании может идти речь? Догоним и перегоним...

В таких условиях вырастает путинское поколение. Значительная часть его хочет быть чиновниками, другая все одобряет и готова к лекциям на Селигере, третья — та, которая нацелилась на науку, — уезжает (если обладает достаточными способностями).

Теперь о соотношении идейных установок разных поколений, о разрывах и преемственности.

Говоря об идейных установках и ценностях разных поколений, нельзя забывать одного обстоятельства: ни одно поколение не было единым, в каждом было минимум два совершенно разных слоя (а чаще больше), чуждых друг другу гораздо больше, чем разные поколения. Это и во всем обществе, и в науке. Нет смысла говорить о преемственности между поколениями вообще — такой нет. Но вполне реальна преемственность между частями поколений единого духовного настроя. Скажем, есть несомненная преемственность между шестидесятниками «оттепели» и позднейшими диссидентами и правозащитниками, от них прямую линию можно провести к демократам 1990-х, а от тех — к правозащитникам и демократическим политикам нашего времени. Это имеет отражение в соответствующем крыле социальных и гуманитарных дисциплин. В то же время есть параллельная преемственность от государственников и «партии власти» советского времени через ГКЧП и затем попытку мятежа верхушки Верховного Совета к путинской державности, автократии и новой «партии власти». Соответствующие идеи можно найти в массе сочинений ангажированных историков, социологов, политологов и т.д. Близка к этим кругам и верхушка Академии наук. Можно проследить и преемственность в националистической традиции — от «Памяти» и писателей-почвенников к дугинской евразийской затее и разным партиям, оседлавшим раздражение против мигрантов и инородцев.

Словом, нет общей преемственности, но каждый находит свою линию преемственности. А вот разрывы есть. Это разрывы общие — не в идеях и ценностях, а в знаниях и умениях. Эти разрывы раньше определялись насильственной ликвидацией целых отраслей науки — генетики, кибернетики, социологии, сексологии, политологии. Естественно, образовывались лакуны в истории этих наук в России, разрывы на многие поколения. Отставание чувствуется до сих пор. Другая категория разрывов — нынешняя, еще более масштабная — от прекращения финансирования. Вымирают целые школы востоковедения, лингвистики, математики и т.д. На деле мы давно не великая держава, нам просто не по силам держать весь фронт наук. Но если финансирование приблизить к мировому уровню, мы сохранили бы многие отрасли фундаментальных наук хотя бы на

уровне Бельгии, Шотландии или Новой Зеландии, от которых наша страна отстала (по крайней мере, по индексу цитируемости).

Мы, старшее поколение ученых, уходим с тяжелым сердцем. Некому передать наше знание, наши умения, нашу миссию.

Наука — это лишь часть русской культуры, но очень важная часть. В годы революционной смуты Брюсов столкнулся с похожей ситуацией гибели высокой культуры, как при нашествии гуннов, и пророчествовал в стихотворении «Грядущие гунны»:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы,
В катакомбы, в пустыни, в пещеры...

Сейчас некуда унести зажженные светы. Свет науки либо сияет, либо гаснет.

Без науки народ становится неконкурентоспособным и не готовым к встрече с природными и социальными катаклизмами. А вполне возможно, они предстоят и частью уже наступили. Уже сейчас нам необходимо как-то справиться с демографическим спадом, эпидемиями алкоголизма и наркомании, поставившими народ на грань вымирания. Есть и более далекие угрозы — возможное падение астероида Апофис в 2036 г. (пресс-конференция директора Института прикладной астрономии РАН 30 июня 2009 г.), предстоящее великое оледенение (мы живем в одном из межледниковий). Без науки мы безоружны.

Я не пугаю набрасыванием возможных сценариев будущего. Я показываю сценарий, уже осуществляющийся.

В истории были примеры гибели великих цивилизаций, по каким-то причинам лишившихся важнейших компонентов культуры. Микенская цивилизация греков на рубеже XIII и XII вв. до н.э. лишилась письменности, игравшей тогда ту же роль, которую наука играет в наши дни, и наступили Темные века: только через пять столетий появилась у греков новая письменность, другая, и наступил новый взлет греческой культуры, началась экспансия греков на все Средиземноморье. Но это счастливый случай. Египетская цивилизация пирамид и иероглифов так и не возобновилась после гибели. Нынешний Египет — это совсем другая страна и другой народ. Остатки прежних египтян — копты, маленькая народность в нынешнем арабском Египте. Некогда грозная Ассирия исчезла полностью, и много веков спустя остаткам ассирийцев пришлось бежать от турецкой резни в Россию, где при советской власти была в Петер-

бурге и Москве сформирована артель «Трудассириец». Потомки Ашшурбанипала и его воинов стали здесь в основном чистильщиками башмаков.

Если мы не хотим тратиться на сбережение и подъем науки, то нужно подумать о том, кому и где будут чистить башмаки наши правнуки.

Библиография

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с., [8] л. илл.

Клейн Л.С. Воевода советской археологии // Технология власти, 2. СПб.: Нестор-История, 2010 (в печати).

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2004. 315, [1] с., [1] л. портр.

Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future. N.Y.: Quill, W. Morton, 1991.

КРИСТОФ КОНРАД

1

Мне хотелось бы оставаться «молодым» (т.е. тем, кто подает надежды, стремится к инновационности, кто «продвинут» — назовите, как хотите) всегда, но я должен признать, что принадлежу к среднему поколению. Причины этого лишь маргинально связаны с возрастом как таковым и в гораздо большей степени с профессиональным положением. Профессор, обладающий постоянным местом в признанном европейском университете, за пятьдесят, редко, по крайней мере в истории и в гуманитарных науках, считается «молодым». Но почему не «старым»? Если оставить в стороне нарциссизм, опять-таки определенная стадия твоей карьеры или институциональная траектория кажутся более существенными, чем хронологический возраст как таковой. С моей точки зрения, старый профессор должен принадлежать к поколению моих учителей, бывших начальников и руково-

Кристоф Конрад
(Christoph Conrad)

Женевский университет,
Швейцария
Christoph.Conrad@unige.ch

дителей; у него или у нее просто больше заслуг, например в том, что касается публикаций, количества диссертаций, защищенных под его или ее руководством, или опыта научного администрирования.

Это краткое самопозиционирование указывает на две более общих особенности академического мира и персональных биографий, которые этот мир формируют. Во-первых, как замечательно показал Пьер Бурдьё в «*Homo academicus*» (1984), поколения возникают в качестве продуктов особой иерархической системы академических дипломов и, таким образом, весьма стратифицированного рынка академического труда. Этот вид анализа, фокусируясь на различных типах — социального и культурного — капитала, власти привратников, а также специфических правилах академических дисциплин, показывает, что дискурс «поколений» функционирует просто как своего рода «туземная теория». Это позволяет актерам, действующим в данном пространстве, соотносить свой персональный опыт с тем, что они знают об общих, более анонимных процессах. Однако такая популярная интерпретационная конструкция, как «поколение», затемняет другие вещи, например силы включения и исключения, действующие по линиям класса, гендера и этничности (или «расы»).

Во-вторых, ситуация исторических исследований в частности и гуманитарных вообще в гораздо большей степени формируется национальными особенностями. У меня есть впечатление (которое, впрочем, может отражать лишь мое невежество), что ученые-естественники и представители прикладных и технических наук действуют в пространстве более глобализованного трудового рынка, где привилегированным статусом обладают мобильность, креативность и молодость — в большей степени, чем в «наших» пространствах. Верно, что некоторые элементы культа молодости и звезд проникли в наши университеты; кажется, в большей степени в американские, чем в европейские. Однако это не стало правилом в странах, где я живу и работаю. До самого недавнего времени проходящий раз в два года Германский конгресс историков (именуемый «*Historikertag*») объявлял ряд заседаний, озаглавленных «Молодые историки представляют сами себя». Эти секции отнюдь не являлись рекламой аспирантов. Наоборот, ученые средних лет, у которых есть дети и множество публикаций, представляют результаты своих вторых диссертаций («*Habilitation*») для того, чтобы сделать известным свое имя и получить одно из немногочисленных мест. Это особенно трудное условие получения постоянной профессиональной позиции может быть описано как немецкий (а также австрийский и германо-швейцарский) секретный инструмент для

того, чтобы удерживать историков на протяжении длительного времени в категории «молодых». Вкупе с мощным перепроизводством молодых ученых (защищающих первые диссертации, а иногда и вторые, реабилитационные работы), перепроизводством, которым особенно отмечено пространство современной историографии, эта конкретная академическая архитектура, конечно, порождает «поколения», воздействуя на жизненные пути, семейные модели и персональные карьеры. Тем не менее мне хотелось бы подчеркнуть, что подобную институциональную конфигурацию едва ли можно достаточным образом проанализировать только при помощи концепта «поколение».

2

Хочется думать, что существующие одновременно в академическом мире поколения отличает степень научной инновационности и креативности. С этой точки зрения, ряд «поворотов», характеризовавших социальные и гуманитарные науки за последние десятилетия (от «лингвистического поворота» до культурного, постколониального, пространственного или визуального), означают динамическую и «подрывную» мощь молодых ученых, ставящих под сомнение старые «парадигмы» и отправляющих старшие поколения в преждевременную отставку. Важным для понимания этой перспективы является классическая «Структура научных революций» Томаса Куна (1962), где он цитирует «Автобиографию» Макса Планка: «Новая научная истина прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней».

Недавние сдвиги в историческом письме, однако, не очень соответствуют этому видению демографического обновления. «Поворот» от «новой социальной истории» 1960-х и 1970-х гг. к «культурной истории» 1980-х и 1990-х основан скорее на переориентации состоявшегося ученого, находящегося в середине научного пути, чем на каком бы то ни было движении «младотурок» против старого истеблишмента. Действительно, многие протагонисты новой культурной или гендерной истории начинали свое образование, публиковали свои первые книги и вступали на свой научный путь в эпоху исторических исследований, ориентированных на социальные науки. Лишь позднее, более или менее в середине карьеры ведущие фигуры британской и американской историографии (вроде Линн Хант, Джоан Скотт или Джеффа Элея) совершают свой методологический, а следовательно, и биографический поворот. Некоторые совершают и не один поворот, как, например, показывают

автобиографические исследования поля, предпринятые Элем: «A Crooked Line: From Cultural History to the History of Society» (2005).

История является той дисциплиной, где «гений» легко скрывается за тяжелым трудом и опытом. Книги-синтезы, объемные картины, широкомасштабные тексты с литературными амбициями редко пишутся молодыми учеными. Фигуры-гиганты в данной области, вроде Эрика Хобсбаума, покойного Рейнхарта Козеллека или Натали Земон Девис, свидетельствуют о продуктивности исследований и писаний, которые осуществляются на протяжении долгой жизни. Тем не менее я думаю, что в большинстве контекстов именно на стадии работы над диссертацией применяются новые методы вместе с (иногда) вводимыми столь же новыми источниками, а полученные результаты нацелены на то, чтобы пересмотреть личное положение в своей области. В этом смысле молодое поколение в академическом мире не обязательно является носителем инноваций, однако его роль скорее заключается именно в этом, а его воздействие — в большей интенсивности. Учитывая, что в большинстве контекстов молодые ученые должны также справляться с положением, когда они занимают неустойчивые, краткосрочные, не предполагающие постоянного контракта рабочие места, при высокой мобильности и мощной конкуренции, конфликт между теми, кто (все еще) вне и стремится внутрь, и теми, кто внутри и хочет оставаться на ключевых позициях, является весьма вероятной ситуацией. Особенно когда подобная констелляция усугубляется структурными ограничениями (например, уменьшающимся количеством рабочих мест после периода расширения, циклами рекрутирования, которые, по сути своей, являются гомогенными в отношении возраста рекрутируемых, общим ощущением того, что гуманитарные науки являются «бессмысленными» и «старомодными» и т.д.), язык «поколения» может показаться наиболее адекватным выражением человеческой стороны подобного кризиса.

3

Следуя проведенному выше анализу, трудно поверить в «неизбежность» межпоколенческого конфликта. Вместо шумного и открытого конфликта такие альтернативные стратегии, как «выход» (эмиграция или смена профессионального поля деятельности) или даже резко выраженный конформизм, могут быть выбраны представителями групп, оказавшихся в невыгодной ситуации. Поразительным примером молчаливого согласия явилось удивительно беспроблемное введение новой структуры оплаты для университетских профессоров в Германии около 2000 г. В то время как заведующие кафедрами (и та-

ким образом представители своих дисциплин и университетов во всех советах и структурах, принимающих решения) удержали свои высокие зарплаты и пенсии (в рамках так называемой схемы С), новые контракты заключались исключительно на гораздо более низком уровне оплаты (так называемая схема W). Обещанные премии и оплаты на основе заслуг не очень-то могли компенсировать коллективное урезание зарплат во всей стране — реформу, которая не встретила практически никакого сопротивления.

В известном смысле Германия сравнима с Россией в том, что нынешняя система найма выталкивает (по крайней мере, на время) большое число прекрасно образованных представителей молодого поколения («Nachwuchs») из страны на соответствующий академический и исследовательский рынок за рубежом — особенно в Британии и США, но также и в Швейцарии. Тем не менее в любой стране, скажем во Франции, условия выражения разных конфликтов, особенно конфликтов по поводу распределения рабочих мест и скудных ресурсов, едва ли связаны с возрастом. Поскольку старшее поколение отнюдь не является однородным, а младшее далеко от единства, разрывы и подводные конфликты чаще происходят на основе традиционной идеологии, политики или принадлежности к «интеллектуальной школе». Кроме того, социальное происхождение и гендер все еще оказывают более сильное влияние, чем поколенческая позиция. Когда, однако, карьерные пути оказываются или заблокированными, или когда остаются лишь несколько возможностей, контролируемых академической и административной геронтократией, межпоколенческий конфликт действительно кажется «естественным» выражением подобных властных отношений. В качестве несчастливого примера подобного состояния склероза на ум неизбежно приходит Италия.

4

Двадцатый век кажется особенно богатым на фундаментальные события и разрывы, которые породили отчетливые водоразделы в судьбах тех, кто был участником или жертвой подобных времен. Две мировых войны, многообразные гражданские войны и революции, а также конец коммунизма являются такого рода событиями, достаточно мощными, чтобы породить разные «поколенческие сознания» (в понимании Карла Мангейма). Учитывая распространенность подобного опыта, нет оснований ожидать, что академический мир будет изолирован в этом отношении от других общественных сфер.

В Германии эти разрывы воспринимались в качестве особо значимых и проблематичных. В большом количестве новых научных работ по социальной и политической истории были заново проанализированы Первая и Вторая мировые войны,

послевоенная эпоха (т.е. время после 1945 г.), а в недавнее время возникновение и падение Восточной Германии, что позволило обнаружить и исследовать подобные поколения. В послевоенной Западной Германии целая группа видных университетских преподавателей и публичных интеллектуалов (вроде Юргена Хабермаса, Карла Дитриха Брахера или Ханса-Ульриха Велера) обладает общей поколенческой позицией. То, что они рано приобрели вес, а также их длительная продуктивность сделали их уникально «долгим поколением» (Пауль Нольте) в интеллектуальной жизни ФРГ.

В западно-европейских странах, которые я немного знаю, «1968» нередко описывается в качестве другого подобного исторического момента, который смог разделить и выстроить поколения. Вместе с более структурными возможностями, например беспрецедентным и мощным расширением системы высшего образования и университетов в начале 1970-х гг., это время, несомненно, сформировало поколенческое сознание, иногда у тех, кто пришел слишком поздно или кто был слишком дистанцирован для «реальной» вовлеченности. Однако автостилизация является частью поколенческой игры в любом случае.

Лично мне хочется думать, что социальное государство в целом, а именно — с его публичным образованием и государственной системой занятости, однако в первую очередь — с пенсионной и медицинской программами, ответственно за то немалое неравенство внутри поколений, а также и прежде всего между следующими друг за другом группами. Если говорить очень упрощенно, социальное государство создало победителей и проигравших среди послевоенных поколений благодаря своему разрастанию начиная с 1950-х и вплоть до 1970-х гг. и последовавшему затем периоду экономии и институциональной стабилизации. Так же, как молодые историки сегодняшнего дня могут только мечтать об открытом рынке труда их старых профессоров, пенсионеры беби-бума, которые уйдут в отставку около 2020 г., могут быть только фрустрированы, когда будут сравнивать свою финансовую ситуацию с тем щедрым вознаграждением, которое их родители получали в конце XX в. Значимы ли политически подобные типы неравенства? Могут ли они провоцировать протест и конфликт на возрастной основе? Большинство экспертов советуют нам не беспокоиться, но как представитель поколения беби-бума я не вполне убежден, что все будет хорошо, когда мне больше всего понадобится социальное обеспечение и поколенческая солидарность.

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума

СТИВЕН ЛОВЕЛЛ

1

Что касается поколенческого самоощущения, которое я приобрел в моем учебном заведении, то я отнес бы себя к аморфному среднему пространству, которое населяют все те, у кого по крайней мере в течение нескольких лет была постоянная работа, но кого не приглашают возглавлять университетские комиссии. Это замечательный академический средний возраст, который, как я надеюсь, может длиться бесконечно.

В качестве члена большой и счастливой семьи западных исследователей России я обладаю гораздо более специфической поколенческой идентичностью. Мне кажется, что решающим фактором является тот момент, в который ты пережил свою первую близкую встречу с Россией. В этом смысле я — дитя эпохи Горбачева и распада СССР: мой первый визит в Россию произошел в 1988 г., а мое первое сколько-нибудь длительное пребывание в стране пришлось на 1991–1992 гг.

Что это значит в интеллектуальном плане? Быть может, возможность для историка жить в интересные времена означает как положительные, так и отрицательные стороны, и когда я был аспирантом, текущие события в России представлялись мне более интересными, чем, как мне кажется, моим предшественникам в 1970-е гг. Кроме того, я был несколько менее, чем они, напуган тем, что в 1990-е гг. некоторые советские культурные иерархии оказались перевернутыми, и при этом больше испуган, чем лучше ориентировавшиеся в непростой повседневности более молодые люди, чьи студенческие годы прошли в ельцинской Москве. Трудно было, учитывая раннее погружение в дискурс гласности и перестройки, избавиться от чувства страха и фрустрации или представить себе время, когда перманентный кризис может закончиться.

Образование и обучение также обладают и обладали определенными поколенческими аспектами, особенно в тот двадцатилетний период, за который Британия прошла через далеко идущие перемены в этих сферах. Я принадлежу к одной из последних групп в Англии, получивших бесплатное университетское образование, а также к последним людям, которым позволили (или которых вынудили) набивать шишки при работе над диссертацией без особой спешки. Когда я смотрю на ученых даже на пять лет моложе, меня поражает их профессиональный подход к аспирантуре. Отчасти это вопрос высокого уровня бюрократического контроля в британских университетах (руководство диссертантами в наши дни требует больше бумаг, чем пятнадцать лет назад). Однако это связано и с более высоким уровнем трансатлантических контактов. Мы, британцы, перенимаем — умеренно — американские ценности серьезности и профессионализма. Хочу подчеркнуть, что отнюдь не считаю, что это плохо.

2

Естественно, существуют различия в том, что касается власти и институционального влияния, хотя я не могу сказать, что эти различия вносят напряженность в межпоколенческие взаимоотношения. Существенным интеллектуальным различием является то, что молодые ученые по большей части могут достигать высокой степени концентрации на конкретной теме или наборе источников. У ученых старшего поколения работа в архивах оказывается не столь непрерывной и длительной, в то время как большая часть их энергии поглощается административными обязанностями и семейной жизнью. На этом фоне они несколько лучше понимают, на чтение чего у них есть время.

3

Очевидно, что существуют определенные времена и пространства (Германия после войны, Россия после 1991 г.), где подобные конфликты оказываются неизбежными. Даже в спокойные времена полемика с учеными старшего поколения может оказаться эффективной формой самоутверждения для некоторых молодых. Однако нам следует сохранять ощущение перспективы: конфликты происходят редко, и межпоколенческие взаимоотношения по большей части являются гармоничными. Даже в постсоветской России, насколько я могу судить, межпоколенческий конфликт относится скорее к тем сферам науки, где советская эпоха оставила особо осязаемый идеологический след или где внезапная глобализация российской науки открыла перед молодыми учеными большие возможности самореализации. В целом, надо признать, молодые российские ученые не перестали уважать своих заслуженных педагогов. И слава Богу.

Должен добавить, однако, что мою теорию бесконфликтности в межпоколенческих отношениях в англо-американском академическом мире можно будет проверить тогда, когда в конце концов женщины будут на равных позициях среди представителей старших поколений и тех, кто занимает влиятельное положение. Поколения не могут быть полностью отделены от гендера. Как будут вести себя молодые мужчины-ученые, когда по крайней мере 50 % старых и заслуженных специалистов будут составлять женщины? Я подозреваю также, что уровень межпоколенческого конфликта в российском академическом мире в постсоветскую эпоху может быть отчасти связан с тем фактом, что среди более успешных и мобильных представителей этой все еще относительно патриархальной академической культуры — молодые женщины.

4

Может быть, я наивен, но я нахожу в академическом мире тот уровень коллегиальности, который почти отсутствует в политике и менеджменте.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

МЭРИ МАКОУЛИ

Если бы мне не случилось прочесть книгу «Отцы и дети: поколенческий анализ современной России» (Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005), когда я получила предложение «Форума», думаю, что мой ответ был бы весьма кратким.

Почти на всем протяжении моей карьеры я никогда не думала о себе в терминах поколений и возраста, за исключением, быть может, студенческой и аспирантской эпох, когда я считала само собой разумеющейся задачей «продвигать вперед» и изменять содержание социальных наук, а кроме того,

Мэри Макоули (Mary Mcauley)
Лондон
mary@marymca.net

понимала, что существуют представители старшего поколения, которые не могут быть «перестроены». И тем не менее были некоторые ученые старшего поколения, которых я почитала, а также давно умершие авторы, которых необходимо было «воскресить», так что «возраст» не определял группу, к которой, как мне казалось, я принадлежу. И через тридцать лет я не ощущала отличий от моих студентов. На сегодняшний день я в большей мере осознаю поколенческую разницу между собой и двадцатипятилетними (ниже я попытаюсь пояснить это обстоятельнее), однако мой ответ на вопросы почти несомненно был бы таким: является ли на самом деле «научное поколение» полезным концептом? Почему не говорить о «научных школах», «интеллектуальных движениях» или «школах мысли», как мы говорим о движениях и школах в литературе и искусстве? Я продолжаю считать, что это, по всей видимости, наиболее продуктивный способ говорить о науке.

Однако обсуждение участниками сборника под редакцией Левады и Шанина различных способов того, как концепт «поколения» используется и использовался историками и социологами, а также в повседневной речи, убедило меня в том, что оценка выгод, проистекающих из мышления о концепте «научного поколения», заслуживает усилий. Никто из авторов сборника не писал специально о поколениях в академическом мире, но статьи Воронкова о «шестидесятниках» и Левады («Заметки о проблеме поколения») повлияли на мой ответ.

Прежде всего, биологический возраст ученого может иметь значение, только если «поколение» было выделено на основе других критериев. Воронков убедительно доказывает, что хотя ядро движения «шестидесятников» составляли люди, родившиеся между 1931 и 1940 гг. (т.е. те, кому в 1956 г., во время XX съезда, было 16–25 лет), «шестидесятники» включают Окуджаву (1923 г.р.) и более молодых людей. Значение имеет именно XX съезд. Куда вписывается возраст? Социологи говорят о значимости 16–25-летнего возраста в отношении влияния на будущее мировоззрение, убеждения и т.д. Для ученых я бы отметила 18–25 как ключевые годы, т.е. время от начала получения высшего образования до того момента, когда делается большое исследование (диссертация), хотя, конечно, всегда есть запоздавшие. Эти годы важны, поскольку исследователь стремится выйти за пределы уже сделанного в науке, посмотреть на проблему по-новому, сказать что-то новое. Если он или она не стремится к этому, у науки нет будущего.

Рассуждая в этом ключе, к какому научному поколению я бы отнесла себя? К поколению 1960-х гг., которое стремилось внести в университетскую программу новую социальную науку,

а также делать сравнительные, основанные на эмпирическом материале исследования, которые повлияли бы на будущее общества, исследования, посвященные экономике, политике, социологии. Мы, вероятно, могли бы идентифицировать основу этого поколения как людей, родившихся между 1935 и 1945 гг., но оно, несомненно, включало некоторых людей, родившихся в 1920-е гг., а кроме того, собиралось вернуть к жизни труды Маркса, Вебера, Парето, Дюркгейма и т.д. (Единственным из этих авторов, кого читал оксфордский студент в конце 1950-х, был Маркс. Курсов по социологии не было, а философы занимались другим — аналитической философией.) Это означало создание совершенно новых курсов для студентов, и здесь создание «новых университетов» в Англии, с новыми преподавательскими структурами, строительством новых библиотек и т.д. сыграло важную роль в появлении нового поколения — одновременно преподавателей и студентов. Возникли новые рабочие места. Зарплаты были достаточными, была возможность заключения постоянного контракта. Открылись возможности поездок и проведения исследований. Такого катализатора, как XX съезд, не было, но была атмосфера *the swinging sixties*, оптимизм по поводу того, что послевоенные реформы породили более справедливое и процветающее общество, уверенность в том, что социальные проблемы могут быть решены окончательно, что ядерное оружие может быть уничтожено и что холодная война не навсегда.

Важно, однако, признать, что *внутри академического мира* общая траектория отсутствовала. Движение 1960-х гг. в социальных науках не параллельно новым движениям в истории, философии (или в литературе и лингвистике, истории искусств?). «Гендер» появляется в конце 1970-х гг. Школа «социальной истории» возникает в 1970-е и в 1980-е гг., и у нее иные корни. Экономика поменялась в 1970-е гг. Антропология? Если мы включаем естественные науки, картина, несомненно, становится еще более многообразной. Движение вперед — взрыв креативности — происходит одновременно в разных дисциплинах? Так ли это? Нет, я не думаю, что этому есть какие бы то ни было свидетельства. Научные дисциплины маршируют под разную музыку. В рамках одной дисциплины может существовать доминирующая школа, внутри другой — соперничающие школы. Только некоторые люди, принадлежащие к определенному поколению, стали частью «шестидесятников» — то же самое и в академическом мире.

Переходя от академического мира к искусству, о котором мы думаем в терминах движений — романтики, Серебряный век, символисты, конструктивизм и т.д. (которые сами по себе могут составлять или не составлять группу, принадлежащую

к определенному «возрастному поколению») — мы можем иногда обнаруживать связи или пересечения нового движения с движением в академическом мире или политике, но это отнюдь не обязательно. Мы обычно говорим о политических поколениях в терминах периода, когда они пребывали у власти или играли важную роль в политике (послевоенный период, тэтчеровские годы, период Гражданской войны, брежневское поколение). Взаимодействие между политической, социальной, научной и культурной сферами принимает разные формы в разные эпохи и в разных обществах. (Экономические циклы влияют на науку об экономике; вспышки криминогенности не обязательно влияют на криминологию — не больше, чем новые движения на историю искусства.) Да, может случиться так, что у революции (французской, русской) будут отзвуки в большинстве сфер деятельности, но это часть концепта революции.

Критерии, на основе которых можно идентифицировать научное поколение, как мне кажется, будут следующими: 1) общее понимание проблем (тем), заслуживающих исследования, хотя конкретные люди могут абсолютно не соглашаться по поводу их интерпретаций и суждений по их поводу; 2) общие исходные положения, касающиеся того, что конституирует научное исследование. В свою очередь поколения оказываются под влиянием большого мира или общественных событий, политического климата, в котором существует академический мир, а также меняющихся (технологических) ресурсов. Однако чтобы это имело смысл, нужно посмотреть на конкретные примеры.

Мы ожидаем (надеемся?) обнаружить «новое мышление» среди представителей самого молодого поколения. У меня есть искушение — предположить, что «поколенческий сдвиг» должен существовать между 18–25-летними и теми, кому 65–75, в том смысле, что их миры являются различными, их ожидания оказываются разными, а кроме того, существует различие между изучением «новой территории / нового знания» и попыткой осмыслить «изученную территорию / накопленное знание». Тем не менее вполне возможно, что особенно творческое научное поколение, ядро которого составляют люди, которым сейчас 40 и 50, отбрасывает длинную тень на двадцатилетних, которые пойдут по их стопам, не став самобытными исследователями. Может потребоваться комбинация важных социальных / политических / технологических перемен для того, чтобы создать климат для смелого нового мышления.

В этом случае быть «научным поколением» означает, как я это определила, отличаться от других, тех, кто до, и тех, кто после, — в терминах интересов, общих для представителей одного поколения, проблем, которыми они занимаются, того, как они ими занимаются, исходных положений, которые они разделяют. Конфликт? Может случиться и конфликт между младотурками и существующим истеблишментом — по поводу идей, ресурсов, властных позиций внутри академического сообщества. Если определенное «научное поколение» или «школа» (возможно, связанная со старой, консервативной элитой, а может быть, с молодой группой, пришедшей к власти через политику) контролирует доступ к ресурсам, возможностям продвижения, публикациям и т.д., ситуация или окажется удушающей, или спровоцирует большие перемены. Структуры власти внутри академического сообщества, а также взаимоотношения между правительством и академическими институтами, несомненно, являются важными, так же как и в мире искусства.

И, тем не менее, я не уверена в том, что иерархические структуры власти внутри академического мира являются существенными для будущего исследовательской работы. Влияние ведущих профессоров, а также важность научного руководителя для будущей карьеры аспирантов и в России, и в Америке очень существенны. Но разве не так в Германии? В этих странах молодые ученые, и не только молодые, гораздо более зависимы от доброй воли и поддержки ведущих профессоров, чем их сверстники, скажем, в Англии. Не создает ли это дополнительные трудности для молодых ученых в том, чтобы бросить вызов принятому порядку вещей? Думается, именно так. Однако есть ли какие-нибудь свидетельства того, что это оказывает какое-то ощутимое воздействие на инновации в науке?

Университетско-исследовательская среда: возможности, которые она предлагает, или препятствия, которые ставит для прокладывания новых исследовательских путей, — значительно различаются от страны к стране. Британские ученые, столкнувшись с безработицей дома или более привлекательными исследовательскими возможностями за границей, почти всегда уезжают.

Опять же существуют различия между дисциплинами. Вообще академическая карьера стала гораздо менее привлекательной по причинам финансовым, а также из-за тяжелой преподавательской нагрузки, администрирования, оценки / мониторинга. Ученым никогда не платили хорошо по сравнению с врачами, адвокатами или людьми, занятыми в бизнесе, но за последние двадцать лет они откатились еще дальше и попали

в ситуацию все большей необходимости заниматься вещами, которые они оценивают не очень высоко. Между тем ресурсы, открытые молодому поколению ученых сегодня (Интернет, поездки, публикации on-line), должны повлиять на то, как они проводят свои исследования, а также на то, какие проблемы их занимают. Лучших возможностей никогда не было, в то время как требования, предъявляемые к работе, приводят к тому, что ученому труднее потратить время и энергию на преподавание или исследование того, что его или ее интересует.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

ДЕНИС ПАПЕРНО

1 Безусловно, я отношусь к младшему поколению исследователей — и по возрасту (я окончил университет в 2006 г.), и по статусу (аспирант). Мои сверстники (пока) открыты любым новым научным идеям, как и положено молодому поколению.

2 Могу отвечать только за свою дисциплину, языкознание. Для моего поколения российских лингвистов свойствен интерес к строгим математическим методам, которые, казалось, исчерпали себя в 1970-х гг. Многие ученые старше меня, разочаровавшись в математической строгости, вернулись к более гуманитарным методам. Разумеется, четкого водораздела здесь нет, такие переходы происходят постепенно.

3 Конечно, научные взгляды различаются, но основы для конфликтов я не вижу. Скорее можно надеяться на синтез наследия традиционной отечественной науки с новыми идеями, которые молодежь, конечно, воспринимает легче.

Денис Аронович Паперно

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
denis_paperno@mail.ru

4

В целом есть колоссальный разрыв между теми, кто жил в СССР, и теми, кто уже не помнит этого времени. Кажется, что молодежи можно привить любое представление о прошлом, а в соответствии с этим получают поддержку и любые политические изменения, от реставрации элементов советского строя до рискованных реформ в противоположном направлении. Эта неопределенность не может не пугать. Для научного сообщества такие проблемы тоже актуальны; риск отката к идеологизированной науке, к сожалению, остается.

ЕЛЕНА ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

1

Сразу сделаю оговорку: рассматривать ситуацию в лингвистических сообществах Москвы и Петербурга надо отдельно. В Москве в лингвистических кругах сложилась редкая (я бы даже сказала беспрецедентная) ситуация, когда в науку в течение многих лет приходит много людей, которые при всех, иногда очень серьезных, разногласиях очевидным образом образуют единое целое.

Ситуация в Петербурге, Новосибирске и других лингвистических очагах принципиально иная, более похожая на ситуацию в российской науке в целом.

Я всегда относилась к среднему поколению лингвистов, поскольку живы и активны многие представители старшего поколения — люди, которые уже давно работали, когда я только появилась в Институте. Правда, их осталось не так много. Вот уже нет и Владимира Петровича Недалкова, светлая ему память. Так что теперь, по-видимому, я должна бы относить себя либо к верхней границе среднего поколения, либо уже к поколению старших. Ключевые позиции в организации лингвистики — как в научно-административных структурах, так и в образовании — занимают или мои сверстники, или люди лишь немногим

старше меня. Многие из лингвистов, гораздо более молодых, имеют уже большой научный авторитет. Так что, наверное, я — старшее поколение. Эта мысль пришла мне в голову только в процессе ответов на вопросы «Антропологического форума».

Мы очень долго были молодыми и начинающими, дольше обычного. В скором времени рухнула система подготовки ученых, и за нами никого не оказалось. Сложилась ситуация, как в умирающей русской деревне, где самая молодая женщина сорока с лишним лет считается другими жителями девчонкой.

Новые лингвисты появились только в XXI в. И мы из молодых превратились в старших. Среднее поколение отсутствует. Достаточно взглянуть на возрастной состав Института лингвистических исследований. Людей, которым сейчас было бы лет сорок, там очень мало. Фактически есть две возрастные группы: первая — люди плюс-минус пятидесяти лет и старше; и вторая — около тридцати или меньше. Та же самая, в общих чертах, картина на филфаке на кафедре общего языкознания.

Причины понятны: в 1990-е гг. в науку никто не шел. Многие из тех, кто сейчас в науке работает, на это время тоже из науки уходили. Люди занимались более практическими делами: тогда были основаны и классическая гимназия, и издательство «Европейский дом». Занимались политикой, переводами, репетиторством, лично я писала на заказ романы в качестве «литературного негра». Потом в науку вернулись, хотя и не все. Но новых лингвистов почти не появилось. Наш институт в 1990-е гг. являл поистине печальное зрелище: длинные, заставленные пыльными шкафами коридоры — и ни души...

А сейчас ИЛИ переживает подъем. Молодежь хочет там работать: для многих аспирантов, магистрантов, студентов кафедры теории языкознания попасть на работу в ИЛИ — мечта. В этом смысле ситуация в лингвистике в целом не столь печальна, как ситуация в других гуманитарных науках.

Впрочем, это касается лингвистики в целом. Многие же частные разделы, особенно традиционные, замкнутые на изучение языков одной группы (романское языкознание, тюркология и т.п.), переживают кризис. Это связано с тем, что жесткое региональное разделение по специальностям перестало соответствовать реальному устройству науки. Оно было разумным, когда лингвистика ограничивалась, главным образом, сравнительно-историческими исследованиями. Но они как раз привлекают меньше людей, чем раньше.

Важно заметить, что в Москве в лингвистическом сообществе все иначе. Там существует и среднее поколение лингвистов:

Сергей Татевосов, Елена Калинина, Светлана Толдова и многие другие. В Москве традиция не прерывалась, потому что была налажена система пополнения научных кадров. Это прежде всего отделение теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ), созданное В.А. Звегинцевым и В.А. Успенским. Роль ОТИПЛа переоценить невозможно, поскольку там не просто учили студентов, там была создана атмосфера преданности науке.

Обычно в мировой практике серьезные лингвисты со студентами не занимаются, разве что прочтут курс лекций. На ОТИПЛе учили практике научной работы, причем с самого первого курса. Лингвистика в Москве стала не занятием одиночки, сидящего в архиве библиотеки или в чуме информанта, а коллективной деятельностью: экспедиции, семинары, научные школы, конференции. Почти вся современная московская лингвистика (в настоящем смысле этого слова) прямо или косвенно связана с ОТИПЛОм.

В нашем же городе в последние десятилетия XX в. все шло по старому. Наукой начинали заниматься только в аспирантуре, никакой серьезной подготовки не было. В аспирантуру шли далеко не всегда потому, что не мыслили без нее свою жизнь. Это было теплое место, куда было очень трудно попасть.

Положение изменилось, когда открыли сначала специализацию, а потом и специальность «теория языкознания» на филологическом факультете (она была создана Л.Г. Герценбергом и В.Б. Касевичем отчасти по модели того же ОТИПЛа); затем в нашем городе стали проводить олимпиаду по языкознанию (вместе с Москвой — в тот же день, по тем же задачам); для победителей олимпиады создали филшколу, в которой учатся ученики 10–11 классов. В результате состав студентов преобразился. Они в первую очередь ориентированы на теории, а не на региональные исследования и сравнительно-исторические языкознание, в чем есть и плюсы, и минусы.

2

3

Говоря о характерных чертах лингвистов моего поколения, я имею в виду в первую очередь ситуацию в Ленинграде. Лингвисты моего поколения не получили здесь практически никакой теоретической подготовки во время учебы в университете. Какое-то обучение начиналось только в аспирантуре, но тоже неполное и несистемное. Лингвистике мы учились скорее друг у друга, а не у старшего поколения. Наоборот, от старших отталкивались. Было ощущение, что «киты», за редким исключением (например, группы типологов), безнадежно устарели. Центром этого самообразования был для меня сектор палеоазиатских языков и особенно «Семинар по грамматическому анализу», который организовал А.П. Володин, а также разгово-

ры на лестнице и в курилке. Энтузиазма было много, но все равно мы все — самоучки.

Характерной чертой была эта внутренняя оппозиция по отношению к традиционной лингвистике. Мы отталкивались от старой науки, стремились выработать какие-то новые подходы. Тогда в Питере началась научная социолингвистика, исследования по контактированию языков.

Многие шли в науку, поскольку это был способ заниматься чем-то осмысленным, но при этом не идти на поклон к советской власти. Лингвистика в этом смысле удобнее истории и этнологии: она менее идеологизирована. За возможность заниматься наукой мы больших благ не имели, потому что сама эта возможность уже была достаточной наградой.

А московские лингвисты уже тогда получали систематическое образование и знали, что «надо читать Мельчука, не читать Меленчука». При этом они знали не только теорию, но и практику — как именно проводить исследование. Один питерский лингвист признавался мне, что, приехав в одиночку в свою первую экспедицию, он первые две недели просидел дома, смотря в окно. Не знал, как подступиться к делу.

Мы овладели тем, чем могли. Кое-что оказалось не по зубам, например формальные теории (генеративизм и все его производные). Им в нашем городе до сих пор мало кто занимается.

Но и не-генеративная (функциональная, когнитивная) лингвистика сделала за последние тридцать лет огромный шаг вперед, и это совсем не такая наука, какой она мыслилась большинству «старших».

Например, описательная лингвистика от анализа перешла к синтезу. Раньше грамматики языков и словари писались с точки зрения восприятия языка. Грубо говоря, чтобы можно было понять текст на языке и, например, перевести. Теперь ставится задача дать возможность составить грамматически (а в идеале — и прагматически, и семантически) правильное высказывание на данном языке. Это совершенно другая задача. Описание должно быть не просто более подробным, оно должно содержать информацию о неграмматичных формах («как сказать нельзя»), должны указываться границы употребления конструкций. Описание языка немислимо без обращения к типологии. Чтобы описать «явление X в языке Y», нужно узнать, как кросслингвистически может быть устроено «явление X». Это совсем другая лингвистика. С ее точки зрения, большинство языков, грамматики которых были написаны в 1950–1960-е гг., оказались как бы неописанными, они нуждаются в грамматических описаниях «нового поколения».

Совершенно изменились требования к качеству и, главное, к оформлению научных работ. Теперь невозможна статья с единственной ссылкой, например, на Бодуэна де Куртене или Соссюра, без введения и выводов, представляющая собой глубокомысленный *piece of gnosis*. Требуется глоссирование примеров, подробная библиография, аннотация в начале статьи, ясность и четкость изложения.

Многие представители старшего поколения отмахнулись от этих новых веяний. Кто не сделал попытку освоить новое, отстал безнадежно. Тут по пословице: приходится очень быстро бежать, чтобы стоять на месте. Мне кажется, что поколенческий водораздел тут проходит не столько по возрасту, сколько по научному мировоззрению.

В лингвистике старое поколение встало перед необходимостью учиться у младших. Мы, можно сказать, пришли к префигуративной модели общества, о которой писала Маргарет Мид. Когда мы учились (студентами, аспирантами), наша научная жизнь была по большей мере конфигуративной (учились друг у друга), сейчас приходится учиться у студентов и аспирантов. Иначе велика опасность превращения в «мастодонта».

Однако конфликты этим не исчерпываются. Я вижу возможность будущего конфликта поколений лингвистов, если наша наука пойдет по американскому пути. В США термин «лингвистика» в последние годы относится почти исключительно к формальным направлениям, а, например, описательная лингвистика находит прибежище на факультетах антропологии. В Европе это, правда, не так. Но крен в эту сторону есть и там.

Мы способны воспитать только лингвистов нашего типа, а не генеративистов или иных формалистов. Если же таковыми среди молодых ученых станет подавляющее большинство, как в университетах США, то может возникнуть, видимо, полное непонимание и размежевание по двум плохо стыкующимся методологиям.

4

Очень похожая ситуация наблюдается в литературе. Поколение литераторов 45+ сложилось в оппозиции к существовавшей норме «советской» литературы, но при этом оно было и продолжением этой литературы.

Если не брать популярные жанры (детектив), а также мемуарную литературу, то я затрудняюсь назвать имена известных мне писателей, которым было бы менее 45. Возможно, я просто плохо слежу за литературным процессом, но мне кажется, что нечто выдающееся сразу бы обратило на себя внимание.

Молодых писателей нет. Писательская организация Санкт-Петербурга состоит из людей пенсионного возраста процентов на восемьдесят.

При этом литературный процесс жив, просто он преобразился. Литературное творчество ушло в Интернет — в Контакт, в ЖЖ. Мы как будто вернулись в дописьменную эпоху, когда не было профессиональных писателей. С наукой так, конечно, не получится, поскольку она требует подготовки, все более серьезной. Между делом «грамматику языка Y» не напишешь.

И последнее. При всей озабоченности тем, что наука стареет, а молодые не хотят ею заниматься, оказывается непонятным — где им ею заниматься? Все университеты и научные институты переполнены. В европейских университетах лингвисты существуют в ситуации жесткой конкуренции за ставки. У нас этого пока нет, потому что нам платят значительно меньше. Возникает предположение: может быть, это и к лучшему? Пусть остаются те, кто готов ради науки чем-то пожертвовать. Мне кажется, что молодой ученый должен пройти своего рода инициацию: какое-то время жить не в совершенно полном достатке, доказать, что он не «офисный работник» от науки.

ИРИНА РАЗУМОВА

1

Если с самого начала не углубляться в осмысление понятия «научное поколение» и исходить из предложенной триады, то мне легче всего отнести себя к среднему поколению тех, кто так или иначе занимается научно-исследовательской работой. Прежде всего потому, что в настоящее время у моего поколения есть и активно работающие учителя, и начинающие путь в науке ученики. Не знаю, насколько это применимо к другим сферам деятельности, но в науке профессиональная генеалогия, на мой взгляд, основывается на отношениях учительства — ученичества. Причем «учителя» (в большей степени, чем ученики) определяются не только по формальным критериям. Здесь важно внутреннее осознание того, что ты продолжаешь учиться у коллег, обладающих

Ирина Алексеевна Разумова

Центр гуманитарных проблем
Баренц-региона Кольского
научного центра РАН, Апатиты
irinazarumova@yandex.ru

большим опытом, и на их опыте. И не имеет первостепенного значения, по какой модели — «патриархальной» или «эгалитарной» складываются «родительско-детские» отношения в науке, а также то, в каких формах осуществляется учебный процесс.

Генеалогический принцип выделения поколений наиболее отчетлив в такой организации исследовательского сообщества, как научная школа. Особенно если она имеет, подобно московско-тартуской, не только поколения ее основателей и «детей», но и поколение «внуков». Статус школы, связанный прежде всего с широким научным, а уже во вторую очередь с официальным признанием, определяет статус поколений. Отношение «научный руководитель — аспирант» также объективирует, но в меньшей степени предполагает поколенную иерархию. В целом же при распределении ученых по поколениям субъективные факторы выполняют первостепенную роль. Можно предположить, например, что представители разных научных дисциплин по-разному отнесутся к данному феномену. Так, два сотрудника РАН, доктора биологических наук, при моей попытке побеседовать на предложенную тему скептически высказались по поводу самого понятия «поколение в науке». Смысл их разъяснения свелся к тому, что это категория слишком обобщенная, ни о каких поколенных различиях не может быть и речи, «в науке все держится на преемственности», «постепенном движении» и т.д. При конкретизации темы выявилось, что поколение в первую очередь ассоциируется у них с возрастной категорией.

Очевидно, поколения в науке можно рассматривать так же, как и в обществе в целом, разграничив их типы. «Генеалогические» поколения будут отличаться от «культурно-исторических» — связанных с эпохальными научными, ментальными и общественными преобразованиями, от демографических и т.д. Во всех случаях приходится учитывать формальные и неформальные критерии. В частности, при определении демографического поколения существенны такие показатели, как утвержденный предельный возраст молодых ученых (35 лет), пенсионный возраст и официальные возрастные ограничения для занимающихся научно-административной работой и т.п.

В научно-социологических и журналистских публикациях именно современное среднее поколение принято считать «размытым» («вымытым» из науки), разреженным, испытавшим непосредственно на себе кризис, связанный с социальной реорганизацией. Болезненное реформирование общества, финансово-экономические потрясения, переоценка ценностей совпали с периодом научной социализации нашего поколения

(1980-е — начало 1990-х гг.). Фактически именно на него приходится пресловутый «межпоколенный разрыв», о котором настойчиво говорят и пишут не только социологи науки. При этом ответственность возлагается как на общественную ситуацию в целом, так и на само научное сообщество. С одной стороны, внешние обстоятельства привели к оттоку специалистов из научной сферы, с другой стороны, старшее поколение, которое уже заняло определенные позиции, не подготовило себе смены. Изнутри, как известно, судить сложнее всего. Трудно спорить и со статистикой, которая оперирует абсолютными возрастными показателями и согласно которой «средний возраст кандидата наук — 52 г., доктора — 61 г.», «углубляется провал в самой продуктивной возрастной категории от 30 до 50 лет» [Арутюнов, Стрекова 2003: 92–93].

На относительной малочисленности среднего поколения сказались экономические потрясения и, в частности, одно из их последствий — сокращение академической аспирантуры. Вместе с тем способы подготовки аспирантов, формальная и содержательная стороны этой подготовки в принципе оставались традиционными. А это обеспечивало научную преемственность. Образование играет первостепенную роль в формировании поколений. Можно усомниться в справедливости утверждения, что изменение правил поступления в высшие учебные заведения непосредственнее и быстрее меняет ментальность, чем социальные катаклизмы [Першиц 2003: 114], но значение общей образовательной базы для интеграции сообщества бесспорно. Несмотря на различия научных школ и методов, в целом представители старшего и среднего поколений говорят на одном языке.

Закономерно, что при разделении поколений на старшее, среднее и младшее каждое имеет свои основания считать себя «маргинальным». Для промежуточного поколения, которое начинало научную социализацию в одном обществе, а заканчивало в другом, таких оснований более чем достаточно. Практически все мои научные сверстники, которые занимаются преподавательской работой, утверждают, что пережили рубежный период, когда осознали, что говорят на разных языках со своими учениками, студентами. Очень быстро изменился тип культуры, и в течение всего нескольких лет вместо учеников, с которыми нас объединяли общие культурные (прежде всего литературные) ассоциации, перед нами оказалась аудитория либо не читающая, либо читающая что-то другое, причем преимущественно в электронном виде. С этой аудиторией нужно было находить общий язык и тем самым становиться носителями «двух культур». Кому-то это удалось лучше, кому-то хуже. Поколение всегда неоднородно.

По моему мнению, особую группу критериев для выделения поколений могут составить технологические показатели. Они включают освоение и использование информационных технологий, владение языками и многое другое. Сегодня в каждом поколении гуманитариев есть люди, которые свободно владеют компьютером, и есть такие, которые его отвергают по разным основаниям. При этом в старшем поколении последних значительно больше, а в младшем, как представляется, почти нет. Наше поколение в этом отношении демонстрирует большой разброс при общем достаточном уровне «компьютерной грамотности». Одновременно оно если и не в полной мере, то во многом наследует «старую», письменную и библиотечно-книжную, филологическую культуру. Нам еще привычно много и быстро писать от руки. Мы имеем навык самостоятельно осуществлять библиографический поиск, лишь дополняя его с помощью Интернет-ресурсов. Нам легче или по крайней мере не сложнее пользоваться картотеккой, чем электронным каталогом. В полевых условиях поломка сложной аудиотехники и отсутствие электричества, по-видимому, меньше смутят представителей нашего поколения. Во всем этом можно было бы усмотреть специфические преимущества.

Еще одно отличие среднего поколения от младшего связано с информационным бумом в науке. Чрезвычайно возросшее количество публикаций, научной информации приводит к тому, что исследователь (в первую очередь гуманитарий) просто физически не может охватить ее всю. Мне представляется, что именно у данного поколения возникло весьма острое противоречие между требованием «учесть» в своей работе и как минимум знать труды всех предшественников, а также коллег и реальной его выполнимостью. Фактически это требование не соблюдалось никогда. Языковые и информационные барьеры между «нашей» и «не нашей» наукой, как известно, до недавнего времени были более чем серьезны. В настоящее время первый преодолевается достаточно легко, а второй практически отсутствует. Рефлексия касается иного. Это правило, как нас учили, имеет статус профессионально-этической нормы. Несоблюдение его приводит к неудовлетворенности собой и результатами работы.

И здесь возникает внутренний конфликт с младшим поколением. Нам иногда (видимо, не вполне справедливо) кажется, что младшее поколение не беспокоится по этому поводу, оно либо основывается на конъюнктуре при отборе информации, либо самоуверенно в силу научного возраста полагает, что начинает «с чистого листа». Отчасти это наблюдается в ряде новейших социологических и социально-антропологических работ, которые нередко оперируют очень качественным эмпи-

рическим материалом, но сводятся к его авторской интерпретации без учета традиции осмысления феномена или его отдельных сторон. Данная ситуация имеет и внутринаучное обоснование, будучи связанной с историей утверждения и развития в отечественной науке интерпретативных методов исследования.

2

Если рассматривать научные поколения без деления на области знания, то, думается, к основным факторам их отличий можно отнести силу и характер внешнего воздействия на науку в определенные исторические периоды. Объективными показателями в этом случае будут выступать степень зависимости от идеологии и политической конъюнктуры, объемы финансирования, возможности системы образования, социальные характеристики (особенности групп, из которых рекрутируются научные кадры) и прочее. К разным поколениям относятся те, кто социализировался и активно работал в науке в то или иное время.

Изменение обстоятельств и взаимоотношений науки с «внешним» миром не только структурирует историю науки, но и формирует символические поколения. В хронологическом измерении время (возрастные границы) символических поколений различны. Исторические этапы имеют свои условные маркеры: событийные, персонажные и др. «Дореволюционная наука» — это знак качества. Соответственно в особое поколение могли быть объединены те, кто учился у дореволюционных ученых, начинал с ними работать, помнил их. А в истории советской науки, например, все биологи (и не только) выделяют «лысенковский» и «постлысенковский» периоды.

Важнейшим фактором поколенного сдвига в современной российской науке является переход к рыночной модели ее функционирования. Помимо прочего, это сопряжено с изменением этоса науки. Сформулированные Р. Мертоном профессионально-этические нормы сообщества в русском культурном контексте всегда были связаны с этосом интеллигенции, который включает диффамацию материальных и статусных ценностей. Бескорыстное служение науке до известной степени противопоставлялось ориентации на внешнего потребителя. С точки зрения многих представителей старшего и части среднего поколения, современная научная молодежь мыслит и действует иначе, для нее приоритетно не познание, а экономический интерес и т.п. [Магаршак 2008].

На мой взгляд, такое противопоставление поколений, причем не в пользу молодежи, не вполне справедливо. Просто моло-

дые ученые приходят в науку в такое время, когда способность согласовывать свои познавательные потребности с запросами рынка является условием социальной адаптации. Если у них не возникает внутренний разлад и нет осознания того, что нарушаются какие-то неписанные законы этики, это вполне естественно. В такой ситуации отсутствует почва для «двойной морали», меняются модели поведения.

3

4

По моему ощущению, внутрипоколенная дифференциация научных сообществ выражена значительно сильнее, чем межпоколенная. Особенно это касается научно-мировоззренческих вопросов и даже пресловутой «смены парадигм» в гуманитарном знании (позитивизм vs «понимающая» наука). Размежевание осуществляется между школами и направлениями, приверженцами определенных теорий и методов. Что касается поколений, различия между ними, по-видимому, имеют количественный характер: в котором из них больше / меньше сторонников тех или иных подходов. Все новаторское совсем не обязательно принадлежит молодежи или немедленно подхватывается ею. Конечно, можно по-другому определять поколения: отказаться от исторического, генеалогического и демографического критериев и считать поколением тех, кто разделяет те или другие научные взгляды или использует те или другие методы. Останется выстроить взгляды и методы в исторической последовательности.

Конфликты между представителями разных поколений, думается, имеют большей частью вненаучные основания. И наблюдаются они значительно реже, чем конфликты, обусловленные несовпадением интересов и статусов различных научных учреждений, «столичной» и региональной науки, теоретиков и прикладников и т.д.

О поколениях в науке есть смысл говорить именно и только в связи с поколенной стратификацией общества в целом. В любом случае, все высказанное в данном обсуждении — это гипотезы. Мне бы хотелось в первую очередь проверить и подтвердить такую: связь между поколениями внутри научной корпорации сильнее, чем за ее пределами.

Библиография

- Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н.* Социологические основы научной деятельности. М.: Наука, 2003. 297, [1] с.: илл.
- Магаршак Ю.* Закон возраста (Опыт натурфилософии) // Знание — сила. 2008. № 2. С. 91–92.
- Перишц Р.* Анатомия ментальности. Человек и общество. СПб.: Симпозиум, 2003. 142, [2] с.

НИНА СУМБАТОВА

Как же без введения?

Писать этот текст мне было очень трудно. Во-первых, у меня нет никакого опыта работы в предлагаемом жанре: до сих пор мне, по крайней мере после окончания университета, кроме частных писем, немногочисленных записей в блогах и разного рода официальных бумаг, приходилось писать только тексты, претендующие на некоторую научность. Кроме того, мне никогда не приходила в голову мысль производить стратификацию моих коллег и друзей (а у меня это сильно пересекающиеся классы) по поколениям. И, наконец, самое главное: не так уж хорошо я знаю научное сообщество. Я знаю только некоторое количество лингвистов, да и то в основном выпускников Отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ (ОСИПЛа)¹ разных лет, более молодых выпускников лингвистических подразделений Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и некоторых петербургских коллег. К тому же — к огромному моему сожалению — у меня мало опыта общения с учеными старшего поколения. Поэтому все, что будет сказано ниже, говорится только о части лингвистов и в основном о лингвистах среднего и младшего возраста — не забывая, впрочем, о том, что в академических учреждениях молодыми часто считают всех, кто еще не отпраздновал семидесятилетний юбилей.

Надеюсь, что это начало хоть немного похоже на начало научной статьи — стараясь предотвратить возможную критику, мы, как и положено, сначала ограничиваем область, о которой собираемся говорить, а потом делаем все возможные оговорки относительно того, чего мы не делали, не собирались делать и не могли бы сделать в принципе.

Нина Романовна Сумбатова

Российский государственный
гуманитарный университет, Москва
nina.sumbatova@gmail.com

¹ Сейчас это отделение называется Отделением теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ).

Классификация

Выделение поколений у людей — вещь сложная: непонятно, сколько должно быть поколений и как проводить между ними границы. Я постараюсь выделить такие возрастные группы людей, между которыми я вижу содержательные различия, хотя, конечно, эти различия исключительно градуальные и скорее статистические, чем абсолютные. Поскольку большинство моих героев — лингвисты-осипловцы (отипловцы) и выпускники факультета / Института лингвистики РГГУ, неудивительно, что существенные различия между ними связаны с событиями, происходившими в разные времена на этих двух отделениях. На моей памяти таких существенных событий было два: первое, закрытие кафедры структурной и прикладной лингвистики в МГУ, происходило, насколько я помню, осенью 1982 г. Второе, вернее, два вторых, — восстановление кафедры в МГУ и создание лингвистического отделения (а потом факультета и института в РГГУ) — в конце 1980-х гг. Мне кажется, что многие различия между лингвистами разных возрастов связаны с тем, когда они получили основную часть своего образования.

Среднее / старшее поколение

Относительно нормальное существование ОСИПЛа длилось до начала 1980-х гг. Я эти времена почти не застала, но мне кажется, что то хорошее, что было на нашем отделении тогда, до сих пор отражается и в работах, и в самом образе жизни моих коллег, которые учились на ОСИПЛе до того, как его, мягко говоря, преобразовали. Это поколение я буду условно называть *старшим*, хотя большинство его представителей — люди среднего возраста, находящиеся в расцвете своей научной карьеры.

У лингвистов этого условного «поколения» очень светлые воспоминания об университетских годах. Конечно, в этом нет ничего удивительного — все бывшие студенты способны рассказать что-то веселое о бурной молодости: гейдельбергские бурши гордятся шрамами, полученными на многочисленных дуэлях, Берти Вустер рассуждает о способах кражи шлема у лондонского полицейского, а советские студенты взхлеб рассказывают о картошке и стройотряде. Но воспоминания бывших осипловцев почти всегда связаны не с подобного рода приключениями, а с собственно учебной и научной деятельностью. Это рассказы о лучших преподавателях (они же самые лучшие лингвисты), о трудностях, которые со временем становятся поводом для веселья и гордости¹, об экспедициях в Да-

¹ Самые страшные и увлекательные истории — про сдачу экзаменов А.К. Поливановой и Ю.А. Шихановичу.

гестан и на Камчатку. Тем студентам очень повезло: у них была живая возможность почувствовать, что наука — самая интересная вещь на свете.

Промежуточное почти что и не поколение

Те, кто пришел учиться в 1980-е гг., больше всего пострадали от разгона ОСИПЛа¹. Мы о своей учебе вспоминаем, в основном перечисляя, чего у нас не было: не было олимпиад, не было экспедиций, не было Зализняка, не было Шихановича, мало было интересных спецкурсов, а главное — не было замечательной, вдохновляющей, *научной* атмосферы, которой славился ОСИПЛ. Знаю, что это странно, но для меня студенческие годы оказались самыми скучными в жизни. Видимо, разброд и шатания коснулись не только меня. Несложно заметить, что начиная с середины 1980-х гг. в науке, и тем более в российской науке, оставалось гораздо меньше выпускников, чем раньше. Наше «поколение» малочисленно и неопределенно по своим свойствам.

Младшее и самое младшее поколение

В самом конце 1980-х гг. все начало возвращаться — сначала потихоньку, а потом все быстрее. В то время как многие ученые других специальностей (впрочем, я сужу по слухам и по прессе) тяжело переживали время общественных преобразований, для части лингвистов эти годы оказались гораздо лучше предыдущих. Денег, конечно, было мало (их и сейчас мало), но жить стало намного интересней. Появилась возможность куда-то поехать, посмотреть мир и представить свои работы. Чуть позже появились исследовательские гранты, а с ними возможность делать работу, которая раньше была менее доступной.

В лингвистику пришла новая волна — в основном это ребята, поступившие в 1989–1990 гг. на ОСИПЛ и на вновь открывшееся лингвистическое отделение в РГГУ (тогда это было подразделение Историко-архивного института). Удивительно высокий процент этих ребят остался в науке. По возрасту (им сейчас 35–37) они уже, наверное, должны тоже причисляться к среднему поколению. Но, как мне кажется, они ближе к тем, кто пришел в науку после них и продолжает приходить сейчас. Мы будем рассматривать их вместе с их младшими коллегами как одно — условно говоря, *младшее* поколение.

¹ Само отделение не было закрыто, но перестала существовать кафедра структурной и прикладной лингвистики и руководить отделением стали совсем другие, чуждые ему люди.

Таким образом, у нас (как в советском учебнике истории) получилось два класса (старшее и младшее поколение) и одна малочисленная прослойка, судить о которой я воздержусь (тем более что принадлежу к ней). Разумеется, если процедура выделения поколений еще может опираться на какие-то реальные основания, хотя бы исторические, то обобщения, касающиеся их свойств, настолько сомнительны, что мне страшно вато их даже формулировать. Но, очевидно, отступить некуда.

Свойства классов

Структуралисты и генеративисты

В молодом поколении гораздо больше лингвистов, ориентированных на теории, доминирующие в мировой науке. Прежде всего это то, что сейчас принято называть формальными теориями языка — генеративная грамматика, формальная семантика и некоторые другие, не столь влиятельные направления. Отчасти это связано с интеграцией юных коллег в мировую научную жизнь. Однако если на Западе генеративизм давно уже стал мейнстримом, то в России даже лучшие представители среднего и старшего поколений часто воспринимают его как вредоносное, бессмысленное, полное ложного пафоса и т.д. учение — думаю, что оно не вызывало бы столько эмоций, если бы было таким же привычным, как в Америке и Европе.

Число юных генеративистов и прочих формалистов, насколько я могу судить, пока что не так уж велико (хотя, по-видимому, растет), но это очень яркие люди, которых нельзя не замечать. Их наука довольно сильно отличается как от традиционного языкознания, так и от задержавшихся у нас структуралистских образцов. Пару лет назад генеративизм был предметом многочисленных и предельно неформальных дискуссий в Живом Журнале, по которым было хорошо видно, как некоторых представителей старшего поколения он раздражает уже в силу своей популярности или терминологической непривычности.

Ученые, воспитанные в других научных парадигмах, пытаются разобраться, что лежит в основе поворота к генеративизму, тотальность которого, впрочем, сильно преувеличивается¹, —

¹ Привожу высказывание одного из участников дискуссий Я.Г. Тестельца, который хотя и относится к поколению, по нашей классификации считающемуся старшим, но защищает генеративизм от необоснованной критики: «В России защищена 1 (прописью: одна) генеративная кандидатская диссертация в 1999 г. и 0 генеративных докторских диссертаций. Еще мне известно 2 кандидатские по типологии с сильным влиянием генеративизма, одна защищена в 1997, вторая в 2006. Может быть, я чего-то не знаю.

До сих пор в журналах, специализирующихся по формальной лингвистике (их несколько, и они выходят начиная с 1970-х), опубликовано или находится в печати 0 статей российских авторов. Не только по синтаксису, но и по фонологии, морфологии и семантике» (псевдоним раскрыт с согласия автора высказывания).

содержательная ценность генеративного подхода или мода / внешняя привлекательность / предоставляемые им карьерные возможности и прочие экстралингвистические факторы. К счастью, в последнее время, по крайней мере на страницах Живого Журнала, вроде бы возобладал худой мир, по поводу которого мне хочется процитировать строки одного из самых ярких участников дискуссии (какую сторону он представляет, догадаться несложно):

По следам сто девятой
скажи так:
о вы, формальные синтаксисты!
я не поклоняюсь тому, чему вы поклоняетесь,
а вы не поклонники того, чему поклоняюсь я.
и я не поклонник того, чему вы поклонились,
и вы не поклонники того, чему поклоняюсь я.
у вас ваша вера, а у меня — моя.

Интегрированность в международное научное сообщество

Лингвисты, выросшие во времена открытых границ, как мне кажется, с гораздо большей легкостью интегрируются в международную научную жизнь. Выше я говорила об их готовности работать в рамках наиболее влиятельных в мире научных теорий. Но они также легче ориентируются в принятых на Западе организационных формах научной жизни. Все сравнительно шустрые студенты без особого труда находят места для стажировок, поступают в магистратуры и аспирантуры на Западе. Самые успешные уже в студенческие годы с легкостью могут поехать на научную конференцию в Европу или Америку. Хорошо подготовленные молодые ученые (среди лингвистов их немало) включены в постоянный обмен кадрами, который идет в западных странах.

Конечно, самые востребованные лингвисты среднего и старшего поколений тоже ведут довольно подвижный образ жизни, но это либо действительно выдающиеся в какой-то области, либо сверхадаптированные персонажи. Их международная активность в значительной степени является следствием и признанием их реальных заслуг. В отличие от них молодое поколение — или по крайней мере его значительная часть — имеет возможность с самого начала строить свою карьеру как вненациональную.

Наука: национальная и вненациональная

Сейчас молодой человек (в лингвистике это скорее молодая дама), решивший заняться лингвистикой и готовый прилагать к этому достаточные усилия, может найти себе место, где он

сумеет осуществить это намерение. Но если он хочет спокойно и полноценно работать, то это место, как правило, оказывается вне России¹. Отдельно взятый лингвист может решить свои профессиональные проблемы, а российская лингвистика разрушается, потому что теряет своих будущих представителей еще быстрее, чем раньше.

Аналогичная дилемма повторяется во многих сферах: например, для представителей малых народов сохранение родного языка (и тем более традиционного образа жизни) плохо совместимо с социальным успехом. Есть ли тут проблема — зависит от точки зрения. Так же как среди носителей малых языков некоторые стремятся к их сохранению, а некоторые — нет, так и среди российских ученых есть такие, для кого важно сохранить именно российскую науку, и такие, кто не считает нужным заботиться о национальной идентичности в этой области. И так же, как о сохранении родного языка и культуры старшее поколение, как правило, заботится больше, чем молодое, так и судьбы российской науки скорее волнуют старших. Не думаю, что молодежь можно за это критиковать. К тому же не всегда ясно, чем вызвана любовь к российской науке среди нас: не скрывается ли тут зависть людей, которые в свои молодые годы не имели аналогичных возможностей? обида за то, что наши педагогические заслуги и потенциал не оценены по достоинству? ревность к западным коллегам, переманившим наших лучших студентов?

Русский или английский?

В продолжение той же тенденции юные космополиты стремятся к публикации своих работ в иностранных изданиях и почти исключительно на английском языке. «Тексты [речь идет только о научных, и более того — только о лингвистических текстах. — *Н.С.*] пишутся для того, чтобы их прочло как можно больше людей. <...> На тех, кто в наше время не в состоянии ПРОЧЕСТЬ статью по-английски, никакие осмысленные сочинения рассчитаны быть не могут, и думать об интересах таких потенциальных читателей вряд ли стоит», — пишет в Живом Журнале Давид Эршлер² (как несложно догадаться, молодой лингвист). Среди множества в разной степени убедительных

¹ Не хочется обсуждать здесь материальные проблемы, но все же придется заметить, что прожить на зарплату сотрудника академического института или вуза в России (по крайней мере в Москве) почти невозможно. Кроме того, постоянные организационные, бюрократические и прочие (порой трудноуловимые) сложности приводят к тому, что на собственно научную и преподавательскую деятельность в России почему-то всегда остается меньше времени, чем при аналогичной работе на Западе.

² Псевдоним раскрыт с согласия автора высказывания.

доводов за и против сказанного (в Живом Журнале и устно) можно заметить два мотива, которые мне не кажутся с самого начала бессмысленными:

во-первых, уже обсуждавшаяся проблема: отказываясь от писания по-русски, мы теряем собственную национальную науку, а также — что, на мой взгляд, еще важнее — часть социальных функций русского языка;

во-вторых, отказываясь от писания по-русски, мы теряем способность писать *красиво* — все-таки большинство из нас, будучи в состоянии написать на английском языке осмысленный текст без серьезных грамматических отклонений, не способно сделать этот текст красивым, изящным, удобочитаемым и т.п. Оппоненты считают все эти качества для научного текста несущественными, подчеркивая жанровые отличия научных текстов от художественной прозы. Неудивительно, что в данном вопросе на стороне «патриотов» оказываются ученые, отличающиеся блестящим стилем изложения и считающие, что научный текст может и должен иметь эстетическую ценность — например В.А. Плунгян и М.А. Кронгауз.

Опытные романтики и юные профессионалы

Когда-то ОСИПЛ¹ реализовывал две оппозиции: во-первых, наука (лингвистика) противопоставлялась всем прочим областям деятельности как самая высокая и самая достойная из доступных нам сфер; во-вторых, «настоящая», качественная, современная наука противопоставлялась такой, которая считалась «не наукой» (кстати сказать, не всегда справедливо). Несмотря на разнообразные внешние неприятности (впрочем, возможно, как раз благодаря им), многие лингвисты имели чувство своей избранности — принадлежности к привилегированной касте игроков в бисер. Одна из самых известных преподавательниц ОСИПЛа как-то сказала нам, студентам второго курса: «Чистая наука — единственный способ сохранить себя как личность».

Мне кажется, что такое романтическое отношение к своей профессии многие лингвисты старшего и среднего поколения сохраняют до сих пор. Ценностью для них является научная деятельность как таковая, часто независимо от степени ее востребованности, не говоря уже о материальных аспектах дела. Лучших представителей этого круга отличает, в частности, ответственное отношение к любому тексту, под которым они ста-

¹ Видимо, не только ОСИПЛ, но я с уверенностью могу говорить только о нем.

вят свою подпись, — даже если заведомо известно, что качество текста в данном случае не играет никакой роли.

В конце 1980-х гг., например, меня взяли в группу под руководством А.Е. Кибрика, работавшую на филологическом факультете МГУ по хоздоговору. Три раза в год мы должны были сдавать хоздоговорной отчет — собрание текстов, по форме близких к статьям, но отличавшихся от статей тем, что они существовали всего лишь в трех или четырех машинописных экземплярах, а знакомились с ними в самом лучшем случае лишь несколько сотрудников организации-заказчика. Первым впечатлением от нового места работы было то, как О.Ю. Богуславская и Е.Н. Саввина готовят один из разделов такого отчета. Перед ними лежал уже написанный текст, и они вместе подолгу обсуждали вслух буквально каждое его слово — заведомо зная, что читать эти тщательно выверенные слова, возможно, не будет никто.

Для молодых ученых такая ситуация гораздо менее вероятна, но не потому, что они относятся к делу менее ответственно. У меня сложилось впечатление, что на смену почти миссионерскому взгляду на науку пришло более прагматичное понятие профессионализма. Оно включает умения, которыми надо обладать, и требования, которые надо выполнять. Взявшись за работу, надо выполнить ее в запланированные сроки. Закончив работу, надо опубликовать результаты, а это значит, что надо сделать один или несколько докладов (грамотно выбрав аудиторию) и напечатать одну или несколько статей, желательно в хорошем издании на английском языке. Статьи и доклады могут быть не блестящими, но должны удовлетворять стандартным (и достаточно высоким) требованиям — знакомство с современной литературой по предмету, соответствие современному теоретическому уровню в затрагиваемой области, хорошая презентация, хорошее владение английским и т.д. Надо часто подавать разные заявки, часто выступать и часто публиковаться. Надо думать о том, где ты публикуешься и как выглядит твое CV. Правила этой игры молодые лингвисты усваивают в довольно юном возрасте. Если лозунг *publish or perish* еще не стал всеобщим, то и обратная тенденция — работать в стол или в компьютер — утратила популярность. Довольно типичная для советской науки фигура талантливого человека, который все знает, обо всем думает, высказывает (устно) массу блестящих идей, но мало публикуется и не стремится к академическим успехам, сейчас гораздо менее популярна. Таким когда-то был великолепный лингвист Сергей Александрович Крылов, но, судя по всему, и он успел несколько перемениться.

Какое отношение к науке лучше для самой науки? Романтический подход ставит более высокие цели, но порой лишает сил их добиваться. Профессионализм не позволяет опускаться ниже некоторой планки, но часто лишает стимула к совершенствованию. Как всегда, лучше, когда есть и то, и другое.

О самом лучшем

Как и лингвисты старшего поколения, молодые ученые верят в ценность науки, но верят по-своему. Как правило, они выбирают науку из целого набора сопоставимых по ценности альтернатив, причем некоторые из них могут быть не оставлены окончательно. Наука для них — одна из хороших вещей в мире, где есть и другие хорошие вещи.

Ученые старшего поколения тоже не склонны рассуждать о своей любви к лингвистическим исследованиям (скорее наоборот — склонны жаловаться на занятость, административные барьеры, проблемы с бухгалтерией и отсутствие гранта на изучение еще одного не окончательно вымершего языка). Но, как правило, наука для них — безальтернативный выбор.

Лет двадцать назад один молодой лингвист¹ сказал мне про незнакомую нам девушку: «Как жалко — она победила на олимпиаде по лингвистике, а на ОСИПЛ не пошла». — «Почему жалко? — спросила я. — Может быть, ей больше нравится что-то другое?» — «Ну да, — как бы согласился он, — но ведь лингвистика все равно лучше».

Месяц назад мой друг (блестящий ученый) сказал про свою дочь: «Придется смириться с тем, что наукой она заниматься не будет». — «Ну почему *смириться*? — спросила я. — Что в этом плохого? У нее прекрасное образование, хорошая работа, она интересный человек, и, кажется, она довольна всем этим». — «Ну да, — согласился он без энтузиазма. — Но ведь наука лучше!»

Не стоит обсуждать, кто тут прав. Ответ зависит от нашей собственной системы ценностей. Положенный ученым рациональный подход к исследуемому предмету вынуждает нас признать, что на свете есть много достойных занятий. Поэтому мы просто не имеем права утверждать того, что на самом деле твердо знаем: лингвистика — гораздо лучше.

¹ Л.И. Куликов.

БОРИС ФИРСОВ

Поколенческий анализ принят на вооружение отечественной социологии только в последние годы в связи с развитием идей исторической социологии и возросшей ролью исследований общественного мнения в анализе трансформации современной России. Назову работы зарубежных [Мангейм 1998; Нора 1998] и отечественных [Левада 2001; Чудакова 1998] авторов, без которых успешная имплантация поколенческого видения жизни в российскую научную почву была бы невозможной. Особое место здесь должно быть отведено книге [Отцы и дети 2005], созданной на базе семинара под руководством Т. Шанина и Ю. Левады (Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2000–2003 гг.) и ставшей для меня настольной.

В этой книге Шанин провидчески заметил, что наряду с социальной или экономической причинностью есть еще *наддетерминизм*, некий фактор, который, хотя и порожден макрообстоятельствами социального и экономического порядка, в чистом виде их «дериватов» (составляющих) не содержит. Таким фактором является, по его мнению, **поколенческая причинность** [Там же: 35–37]. Ее экстерриториальность, как и потенциал влияния, налицо. Она наделяет поколения непредсказуемой исторической силой, постоянно предлагая социуму многочисленные и неожиданные сюрпризы, выступает в качестве источника социальных потрясений.

1

Условные поколения (когорты) локализуются как по хронологическому принципу, так и символически, через соотнесение с какими-либо событиями, личностями или присущими им ценностями. Исследователи проблем поколений придают особое значение историческим событиям, оказавшим воздействие на судьбу социальной общности, определившим «дух времени», в кото-

ром раскрылись черты и особенности того или иного поколения. Фокус социологии более всего сосредоточивается на самосознании групп индивидов, родившихся в одно и то же время и имеющих общий опыт, общие взгляды и общие интересы. Оснований для выделения групп имеется множество.

Найду себе место в череде советских (российских) поколений, используя идею *переломных периодов* XX в. Так Ю. Левада назвал временные рамки формирования определенных возрастных групп, которые приходятся на особенно значимые события в процессе отечественной истории. Таких периодов (и, следовательно, *значимых* поколений) в российском XX в. было шесть [Там же: 41–44]. Во-первых, это революционный перелом 1905–1930 гг. Участники и жертвы этого периода — люди, родившиеся в 1890-х гг. (в конце XX в. их было невозможно обнаружить в выборках опросов общественного мнения). Во-вторых, это период возникновения и расцвета сталинской мобилизационной системы 1930-х гг., главным результатом которого стало формирование тоталитарного общества и ликвидация всех видов противоборств предыдущей революционной эпохи. Основные персонажи второго периода родились около 1910 г. (их доля в выборках ВЦИОМ 1999–2001 гг. составляла около 4%). Третий по счету, военный и непосредственно послевоенный, период (1941–1953 гг.) довел тенденции второго до экстремальных форм в процессе большого числа военно-полицейских кампаний. Активные участники этой эпохи — люди 1920–1928 гг. рождения — составили 7% от выборки. Четвертый перелом пришелся на «оттепель» 1953–1964 гг. Ядро этой группы составляют люди 1929–1943 гг. рождения, это первое поколение, свободное от массового страха сталинских лет. Его доля во взрослом населении — 21%. Самый длительный пятый период — «застой» 1964–1985 гг. Детей этого периода, родившихся в 1944–1968 гг., насчитывается в выборке более всего — 39%. Шестой переломный период — время перестройки и реформ (1985–1999 гг.), когда в активную жизнь страны вошла новая генерация людей (годы рождения 1969 г. и позднее), не знавших метаний и исканий предшествующих лет. Их доля в выборке взрослого населения 28%.

Мое поколение (четвертый переломный период, «оттепель») начало выходить на общественную арену в послевоенный период. Генетически это дети собственно «советского поколения», господствовавшего в 1930–1940-х гг. Массовые переживания смерти Сталина помогли моим сверстникам войти в историю под именем шестидесятников и сыграть особую роль в пробуждении страны. Подобно многим из них долгое время я твердо верил если не в лучезарное, то вполне достойное буду-

щее своей страны и старался его приблизить. Я отождествляю себя с советскими шестидесятниками и разделяю складывающееся мнение о результатах их побед и поражений. Они разрушили атмосферу единомыслия, в которую долгое время была погружена страна, они же смогли обозначить варианты движения общества на грани XX и XXI вв. По названной причине мое поколение можно назвать *переломным* (термин Левады), поскольку моим сверстникам пришлось отказываться от многих ценностей, в границах которых их первоначально старались удержать. Драма шестидесятников не столько в их компромиссах и даже не в умеренно-наивных планах совершенствования социализма с человеческим лицом, «робких альтернативах», продиктованных «детским позитивизмом», сколько «в самоограничении, обернувшимся ограниченностью следующих поколений, — изживать которую еще очень долго» [Вайль 2007: 160].

Особенности мировосприятия, характерные для всего взрослого населения России, которые изучал Левада и его коллеги, можно было бы обнаружить в научной среде, имей мы возможность создать представительную выборку ученых по тем же правилам, которые использовали социологи ВЦИОМ, проводя опросы общественного мнения (1999–2001 гг.) и распределяя респондентов по поколениям переломных периодов. Оговорюсь, что речь идет не об абсолютном совпадении всех результатов в таком гипотетическом случае, но о совпадении *в тенденциях самосознания*. Таково действие социетальных сдвигов и изменений, носивших в каждый переломный период всеобщий характер, когда и «массовая жизнь», и жизнь отдельных сообществ (групп) протекали по сходным законам и рефлексировались сходным образом.

Потому при опросах общественного мнения представители каждого поколения идентифицируют себя и своих сверстников с определенным («своим») социальным временем, имеющим историческое измерение (речь о переживании наиболее значимых общественных событий) и личностное (речь о собственном времени жизненного пути индивида). Анализируя общую матрицу самопрезентации поколений российского общества, исследователи Института социологии РАН сумели поставить своеобразные и точные диагнозы самосознанию каждого из них. В ответах «оттепельного» поколения они выявили жесткую привязанность самосознания моих сверстников к морали, основанной на долге перед другими [Отцы и дети 2005: 92, 94]. В условиях научной среды общественная отзывчивость моего поколения была конвертирована в такое забытое ныне свойство, как профессиональная солидарность ученых, сплотившая социологическое сообщество.

щество в перестроечную пору. Это нашло свое прямое отражение в единодушно принятом решении VI Всесоюзной конференции Советской социологической ассоциации АН СССР (март 1987 г.) одобрить «Профессиональный кодекс советского социолога» (авторы М. Лазар, Б. Фирсов, В. Ядов). Одновременно было решено создать специальный комитет по профессиональной этике, куда вошли наиболее авторитетные социологи, многие из которых подвергались всякого рода идеологическим гонениям и преследованиям [Фирсов 2001: 226–228].

Кодекс был реакцией на «вытравливание» из науки норм и идеалов самой науки, принудительно поставленной перед необходимостью служить партийной идеологии. В своих комментариях к этому документу его авторы писали, что потребность в разработке кодекса стимулирована необходимостью иметь систему гарантий от всякого рода профессиональных злоупотреблений в будущем. Я далек от того, чтобы ностальгически идеализировать этот документ, в котором социолог науки и науковед могли бы обнаружить определенное противоречие между двумя точками зрения, которые были системообразующими в парадигме тогдашней советской социологии [Shalin 1990: 1023–1024]. С одной стороны, это резкое неприятие «этоса идеологии» с его нетерпимостью к критике, стремлением подавить свободу исследований, раболепием перед властью и одновременно невосприимчивостью ценностей универсализма, беспристрастности, права на сомнение и пересмотр позиции (понятия, которые по Мертону входят в «этос науки»). С другой стороны, это дань времени, сохранение тезиса о необходимости занимать классовую позицию при анализе социальной действительности и, как следствие, сознательная и добровольная попытка самих ученых превратить социологию в инструмент перестройки — средство реформирования и радикального изменения советского общества и одновременно ресурс реализации политики тогдашней партии.

С тех пор прошло более двух десятков лет. Однако о многих явлениях внутри общественных наук в сегодняшних условиях можно писать и говорить буквально на языке того времени. «Административные запреты и команды не наталкивались, к сожалению, на организованный отпор общественности, во многом не только отстраненной, но и отстранившейся от участия в решении судьбы многих важнейших направлений, а в ряде случаев — и судьбы отдельных ученых, ставших жертвами озлобленных, завистливых и бездарных руководителей» [Профессиональная этика 1988: 101].

Кроме того, назрели новые проблемы саморегулирования развития науки. Ведь по справедливому утверждению Л. Гудкова, нынешнего директора Левада-Центра, многие ученые сохраняют инерцию государственного отношения к науке, стремясь, как и прежде, первоочередно обслуживать интересы властных структур, что сильно влияет на отбор проблем для исследований и их интерпретацию. Для того чтобы эти проблемы получили нужную дискурсивную форму и ранг «научности», их приходится переводить на язык «озабоченной государственной власти». Рассматривая те же вопросы «изнутри» науки, легко убедиться, что независимо от предметной сферы исследований подавлены или бездействуют такие механизмы автономной самоорганизации науки, как имманентная (теоретическая и методологическая) критика, самоанализ ценностных оснований познавательной деятельности, профессиональная полемика, саморецензирование, конкуренция за признание качества научной работы, моральное вознаграждение научной среды за авторитетность и порядочность ученого и исследователя [Гудков 2006: 35–36].

Я думаю, что есть много причин для обращения к проблемам исчезнувшей солидарности социологического сообщества и его саморазвития на основе добровольно принятых норм научной этики (профессиональных кодексов). Потому я намеренно делаю акцент на том, что ранее объединяло разные поколения социологов, — на механизмах интеграции профессионального сообщества, которые продолжали действовать до момента, когда развал Советского Союза привел сначала к расселению по «национальным территориям», а затем, в пределах каждой «национальной территории», — к выходу из социологических коллективных хозяйств и к переселению на социологические хутора.

2

Отличия ныне действующих в науке поколений могут быть показаны на примере возрастных групп. Сошлюсь при этом на схему поколений советских социологов, не так давно предложенную Б. Докторовым [Докторов, Козлова 2009: 9–12]. Эта схема охватывает период между 1923 г. и 1994 г. и позволяет обозначить шесть поколений, представители которых родились соответственно в 1923–1934, 1935–1946, 1947–1958, 1959–1970, 1971–1982, 1983–1994 гг. Еще одно, седьмое по счету поколение, но фактически второе в этой череде (с годами рождения между второй половиной 1920-х гг. и 1934 г.), по возрасту, социально-политическим и социально-культурным критериям очень близко к первому, однако отличается от него тем, как оно входило в социологическую науку. Эти люди проходили курсы социализации в тех же общественных усло-

виях, что и социологи первой волны, отцы-основатели послевоенной социологии. Но в силу разных обстоятельств они пришли в новую науку вслед за первопроходцами, став их первыми учениками, последователями-единомышленниками. Это лишний раз подтверждает, что хроно-границы между поколениями мягкие, поколения пересекаются. Относительная подвижность демаркационных линий позволяет объединять поколения в анализе, что я и сделал, сжав «семичленку» Докторова и выделив в ней (условно) *ветеранов научного труда* (60 лет и старше), *ученых старших возрастов* (с возможностью подразделения на «сорокалетних» и «пятидесятилетних»), *ученых среднего возраста* («тридцатилетние»), *молодых ученых* (те, кому еще нет и тридцати). Привязка к возрасту, не столько в демографическом, сколько в социальном смысле, позволяет приблизиться к пониманию стадий (циклов) внутренней жизни когорт научного сообщества, реалиям повседневности, индивидуальным устремлениям, выборам профессиональных путей, карьерным продвижениям, модусам выживания в научной среде и социуме; обнаружить дихотомию поколений, одна часть которых проходила социализацию (воспитание, образование) в советское время, а вторая — в условиях нарождавшейся новой России.

Сквозь оптику исследований общественного мнения можно увидеть, как переломные моменты проводят отчетливые водоразделы между поколениями разных возрастов. По данным ВЦИОМ, сколько-нибудь активное отношение к жизни свойственно только двум наиболее молодым поколениям (охватывающим, правда, почти все работающее население), причем «повышающая» активность («новые возможности») почти полностью сосредоточена преимущественно в средневозрастных группах. Чаще всего приходится вертеться, подрабатывать и пр. («понижающая адаптация») старшим возрастным группам работающего населения, которые сформировались в годы стабилизационной стагнации. Для детей периода оттепели (ныне это ветераны труда, пенсионеры) наиболее характерные позиции — «привык ограничивать себя» (около половины опрошенных) и «не могу приспособиться» (около четверти) [Отцы и дети 2005: 46].

Я не вижу оснований считать, что ответы представителей разных поколений научного сообщества могли бы представить картину устройства своей жизни в современных условиях, отличную от приведенной.

Затрону теперь вопрос о разнице мироощущения этих поколений вследствие дисгармонии их отношений, вызванной особенностями и традициями внутринаучного развития, ссылаясь

на работу Б. Дубина «Поколение: смысл и границы понятия» [Там же: 61–79].

По его тщательно выверенному наблюдению, в среде ученых по-прежнему, как и «встарь» (в советскую эпоху), сохраняют значение несменяемые (*и властвующие!* — курсив мой. — Б. Ф.) элиты, чей состав обновляется медленно, на основе специфических, если не закрытых, правил, что не только «запирает» все виды профессиональной мобильности ученых, но и ухудшает внутринаучный климат. Рудименты этой бюрократизации особенно остро переживаются ветеранами отечественной социологии. Моя книга по истории советской социологии 1950-х — 1990-х гг. представляет эту науку как многополярный мир, где фактическое неформальное лидерство изначально определялось и продолжает определяться научными заслугами, профессиональной и человеческой репутацией ученых. Избрание в АН СССР давно перестало быть фактором, однозначно определяющим место социолога в табели об академических рангах. Этот факт получил закрепление в языке. Выражение «встреча ученых с академиками» далеко не безобидная шутка. Глубоко сожалею и считаю несправедливым, что Б.А. Грушин, Ю.А. Левада ушли из жизни, а ныне здравствующие В.А. Ядов и И.С. Кон отметили свое восьмидесятилетие, не будучи избранными в Российскую академию наук. Их вклад в социологию бесспорен. Не ставя под сомнение вклад в науку ныне здравствующих социологов-академиков и социологов — членов-корреспондентов, я думаю, что общественные науки проиграли оттого, что названные мною ученые не вошли в состав РАН.

Одновременно авторитет самых главных, стоящих на самых верхних ступенях иерархических (прежде всего академических) лестниц падает, к чему научное сообщество давно привыкло, но не пытается ни «снизу», ни тем более «сверху» как-то изменить этот порядок вещей. Как заметил Б. Дубин, имеет место «периодическое накопление нереализованного потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одном времени, которое они, тем не менее, не могут назвать “своим”» [Там же: 74]. В итоге временные дистанции между старшими и младшими «слипаются», им оказывается нечего передавать друг другу.

Изменившиеся общественные условия развязали руки поколенческой причинности, о которой шла речь в начале статьи. Исследования общественного мнения дали основание говорить о том, что активной силой становятся наши сограждане, родившиеся в 1975–1980 гг. (когорты средних возрастов). Именно их Ю. Левада назвал первым поколением прагмати-

ков, лишенных социальной памяти. Ведущее качество этой значимой группы — готовность принимать не только символику прошлого, но и авторитарный стиль нынешней власти. Рядом с ними уже нет поколения перемен. Оно переместилось в глубины населенческой массы, перестало быть различимым на фоне имитации перемен, составляющих основу сегодняшнего повседневного существования. В сознании прагматиков явственно угадывается поколение стабилизации. Кажется, что и этот вывод, вытекающий из опросов населения, вполне приложим к части среднего поколения научного сообщества. В нашей среде четко обозначились «хваткие ребята», нацеленные на обслуживание интересов бизнеса и власти. Приведу высказывание В. Ядова: «Это люди, не имеющие жизненных принципов, кроме одного — действовать с выгодой для себя и тех, кого они полагают “своими”. Так называемое переходное состояние общества дает прагматикам наилучшие возможности реализовать свою инициативу, поскольку социальные институты разбалансированы, нормы и практики социальных отношений гибридные. <...> Поэтому доминирует прагматизм принятия решений по “ситуации”» [Там же: 258].

Большой притягательной силой обладает (в той же возрастной категории) группа социологов прозападной ориентации. На их стороне масса преимуществ: прекрасное профессиональное образование, глубокая осведомленность о состоянии и развитии современных социальных наук, контакты с мировым социологическим сообществом, настойчивость в достижении поставленных целей, гражданское самосознание при высоко развитом чувстве свободы и независимости, сознательная ориентация на личный успех.

Профессиональная и общественная репутация этой группы зависит не столько от ее внутренних интеллектуальных потенций (высокий уровень которых не вызывает сомнений), сколько от того, как поведет она себя в составе российских научных элит. Элиты в России, напоминает нам Б. Дубин, были всегда элитами постов, кланов и корпораций. Честолюбию, соревновательству, соперничеству талантов и способностей не уделялось должного внимания. Ведь элиты, во-первых, видели опору в людях, лишенных творческой одаренности, способных лишь повторять заученные отжившие идеи; во-вторых, они стремились опираться на «своих». Ценились сервильность, лукавство, а вовсе не талант. Открытой состязательности не находилось (и не находится) места ради более длительного удержания за собой уже имеющихся позиций, карьеры и связанных с нею привилегий и благополучия на «всю оставшуюся жизнь». В итоге доминировала поддержанная канонами официальной культуры советского государства «ценностная непризнанность,

неоправданность личного, индивидуального успеха» [Там же: 74]. Ученые, которым удастся сломать этот стереотип, могут рассчитывать на многолетнее лидерство в научной среде.

3

Мой ответ на третий вопрос может показаться парадоксальным: споры и конфликты по научным вопросам (теория, методология, качество научного труда и т.д.) среди разных поколений современного социологического сообщества, если они и есть, являются безопасными в «сейсмическом» отношении. Существой для них специально разработанная шкала Рихтера, уровень внутринаучных «землетрясений» едва бы превысил десятые доли балла по девятибалльной шкале. Открытие это принадлежит не мне, его авторы — молодые петербургские ученые, выступившие не так давно с одной весьма интересной статьей «Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения. Фрагментация Петербургской социологии» [Погорелов, Соколов 2005: 79–84]. Путем опроса авторы сумели выделить сегмент, ориентированный на интернациональные научные институты, представители которого специализируются на получении грантов от зарубежных фондов, а также на совместных исследованиях с западными академическими учреждениями. Поколения второго сегмента ориентированы на институты РАН (часть представителей этого сегмента ассоциируется с сотрудниками академических институтов и поддерживает с ними интеллектуальные связи). Третий сегмент ориентирован на отечественные образовательные учреждения (факультеты и кафедры государственных, по преимуществу, университетов, разбросанных по городу). Принадлежность к этим сегментам основательно коррелирует с выбором исследовательской традиции, к которой респондент (социолог) мог бы себя причислить; методологии, которой он старается придерживаться (об этом еще пойдет речь). Опуская многие другие характеристики социологов, вытекающие из факта принадлежности к одному из трех сегментов, привлеку внимание к заключительному замечанию авторов исследования. Сегменты профессионального сообщества специализировались на разных рынках и ныне обладают достаточным автономным преимуществом каждый для того, чтобы не тревожиться по поводу покушений на них со стороны потенциальных конкурентов. Одновременно они замкнулись на себе в двух смыслах — кадровом и интеллектуальном. В настоящее время контакты между ними сведены до минимума. Единственная точка в карьере молодых профессионалов (речь о социологах и политологах — выпускниках Европейского университета в Санкт-Петербурге, ориентированных на интернациональные академические рынки), когда они соприкасаются с организациями,

входящими в другие сегменты, приходится на момент защиты ими кандидатских диссертаций. Принятый способ «мирного сосуществования» до последнего времени исключал возможность возникновения конфликтных ситуаций по научным поводам (конфликтов внутри сегмента я не касаюсь, это специальная тема, требующая особого внимания).

Академическая, университетская и негосударственная социологии живут по своим правилам. Силы сцепления между этими сегментами отсутствуют, как и отсутствуют реальные лозунги для интеграции социологического сообщества, объединенного формальной принадлежностью к одному профессиональному цеху, но разбеденного различием интересов и устремлений его различных сегментов (частей). Какая из сил (центробежная или центростремительная) при этом возобладает — вопрос для меня открытый, но не лишенный остроты и актуальности по причинам, о которых речь пойдет ниже.

Могу лишь «подлить масла в огонь» апелляцией к одной проблеме, которая меня давно интересует и которой я занимаюсь в последние годы. Рискую напомнить читателю событие конца 1960-х гг. — публикацию на Западе книги одного из первых советских диссидентов Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Амальрик писал о том, что демократическое движение тех лет включило в себя представителей трех оппозиционных идеологий, кристаллизовавшихся в послесталинское время в виде триады альтернативных программ: «подлинного марксизма-ленинизма», «либерализма» и «христианской идеологии».

Первая из альтернативных программ (историк Р. Медведев) исходила из того, что Сталин исказил марксистско-ленинскую идеологию, а возвращение к ней позволит оздоровить общество. Вторая программа (академик-физик А. Сахаров) полагала возможным постепенный переход к демократиям западного типа с сохранением принципа общественной и государственной собственности. Третья программа (писатель А. Солженицын) предлагала в качестве основы общественной жизни христианские (православные) нравственные ценности и, следуя традициям русофилов, подчеркивала особый характер России. Эти три возникших оппозиционные идеологии сохранили свое значение и сейчас. Ныне они в полной мере отражают три *конфликтующих* исторических выбора, над которыми продолжают напряженно, а то и ожесточенно думать, спорить элиты и профессиональные научные сообщества, будучи еще с советских времен разделенными на части, воспроизводящие триаду этих идеологий. Имея в виду идеологию, М. Гелфтер заметил: «Россия осталась “Миром миров”». То же самое можно сказать

о социологическом сообществе, сегменты которого удерживаются в полях конфликтующих идеологий. Какая из них возьмет верх над своими оппонентами, сказать не берусь, как не берусь определить, какой из сегментов социологического сообщества первым преодолет власть идеологической причинности.

Чтобы показать, что эта власть сохраняет свою силу, вернусь, как и обещал, к интернациональному (негосударственному), университетскому и академическому сегментам Петербургской социологии. Ф. Погорелов и М. Соколов установили, что первый из них ориентируется на веберианские, феноменологические, интеракционистские и феминистские подходы, развитие которых в советское время блокировалось. Академический сектор демонстрирует предпочтение структуралистским, функционалистским и позитивистским взглядам, на которые режим смотрел сквозь пальцы. Что до университетского (государственного) сегмента, то его ориентации менее определены и связаны с социальным заказом, политической конъюнктурой, тем, что именно государственные органы, финансирующие высшую школу, полагают актуальным и необходимым (проблемы государственного управления, глобализация, история русской общественной мысли и социологии). Среди представителей этого сегмента оказалось более всего социологов, считающих, что следует прилагать усилия для сохранения и возрождения национальной школы в социологии. Какая-то часть из них по «доброй советской традиции» пытается решать научные проблемы на базе идеологических споров, путем наскоков на западную социологию, якобы препятствующую поискам путей самобытного развития России.

4

Доминирующая в активных поколениях демонстративная установка на собственные силы («благосостояние зависит от самого человека!») — важная черта, отделяющая эти группы от старших поколений всей страны [Отцы и дети 2005: 48]. За нею видятся черты разгосударствленного человека, появление которого и является несомненным признаком современной научной среды, но было по-разному воспринято поколениями с разными хроно-границами.

Мне уже приходилось отмечать со ссылкой на журнал «Неприкосновенный запас» [Корнев 1998: 18–21], что в России происходит постепенная и очень болезненная смена моделей отношений людей интеллектуальных профессий и общества. Полное воплощение эти модели получили лишь в истории Китая, но ничто не мешает воспользоваться ими как метафорами, поясняющими суть современной российской проблемной ситуа-

ции. В рамках «конфуцианской» модели интеллектуал сыт, прикормлен, находится на общественном содержании и даже причастен в определенной мере к принятию решений. В обмен на это он служит обществу не иначе как в качестве части административно-бюрократического аппарата. Такая модель, повторюсь, была реализована в средневековом Китае, где чиновничий аппарат, как правило, совпадал с классически образованным классом. В свое время очень близко к этой модели подошел Советский Союз. «Конфуцианской» моделью (с некоторыми оговорками и ограничениями) пользовались США в период создания атомной бомбы, а также другие развитые страны.

В рамках «даосской» модели представитель образованного класса не получает целенаправленной поддержки общества, его связи с обществом случайны и уж во всяком случае не имеют никакого отношения к избранному им самим статусу «свободного интеллектуала». Как следствие, для физического выживания этому интеллектуалу не приходится ждать милостей от государства. Взамен он должен обращаться к помощи частных лиц (меценатов, спонсоров), побочным заработкам.

Так вот, кажется, что ранее господствовавшая в России «конфуцианская» модель заменяется элементами «даосской». В любом случае социально-экономический, да и социально-политический контекст функционирования науки и образования как важнейших социальных институтов общества радикально изменился, вследствие чего образовательное и особенно научное сообщество оказались как бы подвешенными в социальном вакууме и брошенными на произвол судьбы. Мы все помним, что по ряду признаков положение в 1990-е гг. выглядело близким к состоянию социальной катастрофы. С такой силой тогда действовал фактор невостребованности науки со стороны реформируемого общества и государства, что о его существовании мы не могли догадываться еще за каких-то десять лет до катастрофы.

Человек интеллектуального труда, выбравший «даосскую модель», вынужден принять за аксиому, что общество пренебрегает им, но взамен этого он получает духовную свободу. Именно духовную свободу интеллектуал вычленяет из «даосской» модели, и тогда перед ним открывается сквозь хаос беспредела и разборок некий альтернативный путь. Интеллектуал на некоторое время оказался без навязчивой опеки социума, но он же одновременно получил вполне реальную возможность найти такие формы существования, которые больше соответствуют его природе и станут ему опорой в будущем, когда социум вновь призовет его к сотрудничеству [Корнев 1998: 20]. Здесь я могу сослаться в качестве оптимистического примера на атмосферу

Европейского университета в Санкт-Петербурге. Короткая, но поучительная история этого университета наглядно демонстрирует анахронизм «конфуцианской» модели. Рискну сказать, что этот университет является прообразом новой интеллектуальной среды, объединяющей на основе консенсуса разные возрастные когорты. Эта среда, не игнорируя важности внешних социальных связей, тем не менее дает шанс образовывать *некое новое разпоколенное сообщество*, которое живет по своим законам и правилам. Полностью разомкнуть социальные связи не представляется возможным. С одной стороны, сохраняется наемный труд для большого числа работников умственного труда; с другой стороны, возникающий гражданский социум должен опираться на поддержку своих сограждан.

Автономия законов и правил научно-образовательного сообщества, которую сегодня *de facto* представляет Европейский университет, является вполне легитимной. Заглядывая в ближайшее будущее, я не вижу препятствий к тому, чтобы университет стал гильдией молодых преподавателей, ученых, аспирантов и слушателей со своими субкультурными нормами, профессиональным кодексом и кодексом чести, цементирующими сообщество, которое поставило перед собой цель завоевать достойную репутацию в глазах российского и мирового общества. Движение в сторону конструктивной автономии и самостоятельности и упорная, нелегкая борьба за нее, стремление преодолеть пресс социальных обстоятельств и дать возможность для проявления личной инициативы уже обернулись большой общественной выгодой. Уместно вспомнить слова К. Поппера, характеризующие открытое общество: «Здесь уже нет места едва ли не абсолютному моральному авторитету государства, которое подавляет всякую личность, и всякую личную мораль, и всякую совесть» [Поппер 1992: 41]. Потому и возникла принципиально новая интеллектуальная среда, которую можно наделить свойствами самодвижущейся материи, опирающейся на динамику рожденных временем *новых социальных практик*.

Библиография

Вайль П. Карта родины. М.: КоЛибри, 2007. 445 с.

Гудков Л. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах общественных наук // Пути России: проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 26–38.

Докторов Б., Козлова Л. Телескоп смотрит в будущее. Беседы об изучении истории современной российской социологии // Телескоп. 2009. № 1. С. 2–15.

- Корнев С.* Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры // Неприкосновенный запас. 1998. № 1. С. 18–21.
- Левада Ю.* «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2 (52). Март–апрель. С. 7–16.
- Мангейм К.* Проблемы поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 7–47.
- Нора П.* Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 48–72.
- Погорелов Ф., Соколов М.* Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения. Фрагментация Петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 76–92.
- Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 326, [1] с.: ил.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 525 с.
- [Профессиональная этика 1988] *Лазар М., Фирсов Б., Ядов В.* Профессиональная этика в социологии // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 95–104.
- Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001.
- Чудакова М.* Заметки о поколениях в Советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 73–91.
- Shalin D.* Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Changes in Recent Soviet Sociology // Social Forces. 1990. Vol. 68. P. 1019–1039.

ШЕЙЛА ФИТЦПАТРИК

1

Если бы я принадлежала к какому-нибудь американскому научному поколению, то это было бы старшее поколение, однако на самом деле я не чувствую своей принадлежности ни к какому. Когда я писала свою диссертацию в конце 1960-х гг. в Оксфорде, там не было никакой специальной группы исследователей русской истории, частью которой можно было бы себя чувствовать, а кроме того, я приехала из другой страны (Австралии). Я переехала в США в 1970-х гг. и, конечно, познакомилась с людьми моего

Шейла Фитцпатрик
(Sheila Fitzpatrick)
Университет Чикаго, США
sf13@uchicago.edu

возраста, однако группа, в смысле осознанного сообщества, была уже сформирована в аспирантуре.

2

Несмотря на мое ощущение поколенческой непринадлежности в США, в 1970-х гг. я участвовала в научной дискуссии, обставленной как поколенческий конфликт: молодые «реви-зионисты», главным образом историки, против представителей старшего поколения, придерживавшихся тоталитарной модели, главным образом политологов. Это был один из тех коллективных вызовов общепринятой мудрости предыдущего поколения, которые поощряет американская академическая культура, — процесс, который Томас Кун в «Структуре научных революций» определяет как путь прогресса в науке (хотя его понимание парадигматического сдвига на самом деле больше соответствует ситуации в социальных и гуманитарных науках в США, чем в естественных). Это требует заострения различий ради полемического эффекта и может иногда, как в случае конфликта, в котором я участвовала, повлечь политическую или какую-то другую клевету (я писала об этом в статье, опубликованной в прошлом году в «Slavic Review»).

Если вы воспитаны в этой культуре (как была я еще в Австралии, до переезда в США), вам покажется естественным, что каждое поколение должно ставить под сомнение мудрость старших. Несомненно, однако, что существуют другие академические культуры, где уважение и традиционные линии наследования являются гораздо более важными, чем поколенческий вызов, культуры, в которых молодые ученые приобретают свою идентичность в качестве студентов конкретного ученого старшего поколения, членов его (или, что гораздо реже, ее) школы, а кроме того, испытывают гордость за то, что принадлежат к этой традиции. Я думаю, что эта культура все еще является преобладающей у естественников, где физики, например, могут идентифицировать себя как студенты Икса, который в свою очередь был студентом Игрека в линии наследования, которая в конечном итоге восходит к великому ученому Зет. Сужу по своему собственному опыту: историки иногда идентифицируют себя как студенты Икса, однако у них по каким-то причинам гораздо слабее ощущение традиции: может быть потому, что они в отличие от физиков не верят в то, что знание в их области является кумулятивным.

3

Если группа очень заинтересована в самоопределении в качестве научного поколения, очевидно, что размежевания и конфликты с другими поколениями будут происходить. Однако группы не должны думать в таком ключе: «поколения», о кото-

рых мы говорим, скорее являются конструктами, чем объективно существующими феноменами реального мира. Конечно, большие исторические разрывы вроде коллапса Советского Союза или поражения Германии во Второй мировой войне заостряют ощущение общего опыта, присущего конкретной возрастной группе и/или конкретному времени и пространству, т.е. способствуют росту поколенческого сознания и придают правдоподобие.

У меня есть ощущение, что в Соединенных Штатах структурирование академической дисциплинарной дискуссии в терминах поколенческого конфликта часто является несколько искусственным и показным. Например, в вызове, брошенном в 1990-е гг. «постревизионистскими» историками СССР (связанными с концепцией «сталинистской субъективности») «ревизионистам», вызов кажется преувеличивающим различия между двумя группами, причем с целью обрести заметность внутри профессии. Или, по крайней мере, так кажется мне, находящейся на стороне старшего поколения: возможно, как и мне в эпоху, когда я бросала вызов в качестве «ревизиониста», им действительно эти различия представляются глубокими и реальными.

4

Насколько я знаю, политики и менеджеры не особенно склонны рассматривать себя в поколенческих терминах, однако они и вообще не занимаются воображаемым автоконструированием и самоанализом в тех масштабах, в которых этим занимаемся мы. Часто делают это люди искусства (особенно художники): поскольку они больше не учатся, как правило, у мастеров, роль младотурка является очевидной ролью для стремящегося к успеху молодого человека. Между тем музыканты-исполнители (пианисты, скрипачи и т.д.) обычно идентифицируют себя не в поколенческих терминах, но в качестве учеников Икса в великой традиции, восходящей к Игреку.

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума

РЕВЕККА ФРУМКИНА

1

Я принадлежу к самому старшему поколению *работающих* ученых — я родилась в 1931 г. Субъективно я считаю себя состоявшимся ученым, хотя многое, чем я занималась, скажем, в конце 1960-х — середине 1970-х, сегодня мне не кажется особенно продуктивным. Много сил было потрачено на то, что сегодня я бы считала тупиковыми путями. Впрочем, если согласиться, что наука не развивается по чисто кумулятивной схеме, то жалеть мне решительно не о чем. В социальном плане я тоже не имею оснований для сожалений: мой опыт — именно опыт, а не только результаты — востребован.

С точки зрения хронологической я, конечно, сформировалась в советское время: кандидатскую защитила в 1963 г., докторскую — в 1975 г. (правда, еще пять лет ушло на борьбу с ВАК за ее утверждение). Но большая часть моей научной и социальной жизни проходила в постоянном противостоянии официозу во всех его формах. Так что моя жизнь как *исследователя, сформировавшегося в советский период*, характеризуется прежде всего тем, чего я была лишена и чему необходимо было постоянно сопротивляться — моей *несоветскостью*. Эти сюжеты подробно описаны в моих мемуарах «О нас — наискосок» (первое изд. — 1997), которые переиздавались (см. «Внутри истории», 2002), их можно найти и в Сети (<http://belolibrary.imwerden.de/books/Frumkina/frumkina_naiskosok_2.rtf>).

С моей точки зрения, о чертах моих ровесников *как целого* говорить непродуктивно: в один и тот же день летом 1955 г. в актовом зале МГУ М.С. Горбачев и я получили свои дипломы с отличием — быть может, мы даже сидели в соседних рядах. Но что с того? Как обладателя «пятого пункта», меня ожидала безработица, а вовсе не аспирантура, на которую я, как комсомолка (!) и облада-

тель диплома без единой четверки, **формально** могла рассчитывать даже без всякой рекомендации.

Личный опыт моего поколения — это борьба с «космополитами», лысенковщина и «суды чести», «дело врачей» и постоянная атмосфера страха, поразительно описанная в повести Бориса Ямпольского «Московская улица». Вместе с тем мне, например, повезло, потому что на мою судьбу как ученого *непосредственно* повлияла «реабилитация» кибернетики. Именно *повезло*: в 1956 г. благодаря случайному стечению обстоятельств меня взяли на работу в библиотеку Института языкознания АН СССР. А в результате я оказалась в группе ровесников — лингвистов и математиков, где идейным лидером был выдающийся ученый и несомненно харизматическая личность Игорь Мельчук. Эта группа составила некое ядро, которое в общих воспоминаниях нередко фигурирует как поколенческое целое. Думаю, что независимо от того, как менялись в дальнейшем интересы каждого из нас, наша общность конституировалась и упомянутым выше личным опытом, и общностью *ценностей*.

Как поколение, которое могло бы задавать влиятельные научные и этические образцы, сегодня мы, конечно, уже слишком малочисленны.

2

Вопрос о *других действующих в науке поколениях*, сформулированный в столь общем виде, на мой взгляд, не имеет ответа.

Среди математиков и физиков «по призванию», родившихся уже после войны, я не встречала людей, для которых жизненная доминанта соотносилась бы прежде всего с уровнем материальных благ. Гурманы и эстеты, меломаны и знатоки японской гравюры — выпускники московской 2-й школы и колмогоровского интерната, лауреаты премии Филдса и будущие компьютерные гуру — они довольствовались малым и мечтали преимущественно о том, чтобы им не мешали заниматься любимым делом. Они и уехали прежде всего потому, что за занятия «чистой» наукой *здесь* перестали платить, а *там* на их таланты был безусловный спрос.

Уход из науки как регулярное явление (в поле моего наблюдения) датируется началом 1990-х, когда стало ясно, что исчезают условия для науки как массовой профессии, зато появляются условия для разнообразной частной инициативы. Разумеется, ничего этого я не предвидела, однако закрыла свой семинар «железной рукой» сразу после путча 1991 г., и, как оказалось, вовремя. Молодые люди, начинавшие жизнь в науке в качестве моих учеников (на уровне диплома или диссертации) и млад-

ших коллег, один за одним уходили в мелкий бизнес, рекламу, медиа, а также преподавание в частных учебных заведениях. Впрочем, те, с кем у меня сохранился живой контакт, считают, что им очень пригодились навыки, приобретенные в свое время в нашей совместной работе.

Те же, кто к началу 1990-х еще не успел сделать окончательный выбор, уехали в США, Израиль, Германию, где, *доучившись*, стали программистами (для них занятия математической лингвистикой не пропали даром); социальными работниками (на моем многолетнем домашнем семинаре им было чему поучиться у хороших психиатров) и т.д.

Теперешнее мое знакомство с «действующими в науке поколениями» ограничено узким кругом лиц, с которыми я непосредственно сотрудничаю как автор «НЛО», *polit.ru*, газеты «Троицкий вариант» и некоторых других журналов, а также как участник некоторых общегуманитарных мероприятий и издательских проектов. Мои младшие коллеги — это ученые, литераторы и издатели в возрасте между 30 и 50 годами. Их работа протекает в значительно более благоприятных условиях, чем те, в которых я пребывала в их возрасте: это касается общения с зарубежными коллегами, доступности любой литературы и, разумеется, общей атмосферы интеллектуальной свободы. Все они очень много работают и не бедствуют, хотя почти никто из них не мог бы себе позволить иметь съемное жилье.

Недавно я спросила одну из своих бывших аспиранток, намерена ли она и дальше работать в рекламе или, поскольку жизнь все-таки стабилизировалась, *теперь* выберет что-то ближе к ее прежним научным интересам. Она ответила, что единственное, на что она *никогда* не согласится, — это на меньшую зарплату. Значит, из науки она ушла вовремя.

Однако в кругу моего общения есть и совсем другой тип — это преимущественно замужние женщины между 30 и 40, имеющие все данные для занятий наукой. Они не могут этого себе позволить, поскольку в науке *в среднем* платят плохо, а один человек не может содержать семью, так что *приходится* работать не там, где хотелось бы, а там, где хорошо платят.

3

4

Если говорить о тех, кто действительно *занят наукой*, а не слугит по этому ведомству, я отмечаю различия разве что в житейских и бытовых стандартах, но не в том, что я бы назвала экзистенциальным выбором. Если же учитывать тех, кто занимает соответствующие *должности* (а уж чем они реально заняты — лучше не спрашивать), то меня удручает этическая неразборчивость. И я рада, что в свое время озаботилась тем, чтобы

не входить ни в какие ученые советы и не выступать оппонентом по диссертациям.

Более интересно задуматься о том, на чем — *в случае удачи*, разумеется, — может и сейчас строиться продуктивное взаимодействие молодежи и научных работников самого старшего поколения.

Применительно к тем, кого я считаю своими учителями в науке, тот факт, что эти люди физически присутствовали среди нас, что они *просто были*, значил ничуть не меньше сочинений, которые они к тому моменту успели опубликовать. И дело не только в возможности обсудить с учителем конкретные результаты или узнать, что следует почитать о том или ином предмете. Есть еще и некое представление о *должном*, о том, что такое вообще научный результат, об уровне требовательности к себе. Собственно, это и есть понимание сути работы в науке, и оно передается не через книги, а через живое общение.

Любопытно отметить, что ни А.А. Реформатский, заведовавший сектором структурной и прикладной лингвистики, ни замечательный востоковед и знаток общей лингвистики А.А. Холодович, согласившийся из коллегиальных чувств оппонировать И.А. Мельчуку и мне, когда мы защищали кандидатские по только что начавшей свое «академическое» существование дисциплине, ни даже виртуоз логических построений В.Н.Сидоров — никто из них не был таким уж безусловным сторонником применения математики в лингвистике.

Пастернак некогда написал: «Всем нам являлась традиция».

Я бы подчеркнула: *нам* — являлась. В этом нам просто несказанно повезло. Хранителями и трансляторами традиции бывают и люди большого масштаба — к моим учителям это относится в полной мере — и люди, так сказать, *обычные* — сюда я отношу многих моих «сопластников». Вообще же инстинктивное стремление передать младшим *традицию как таковую* свойственно человеку как действующему лицу культуры. Но нам действительно *повезло* — как позже повезло, например, тем, кто считает себя учениками Лотмана, Мелетинского, Гаспарова: ведь не все равно, в чьем лице «всем нам являлась традиция». А ученики Лотмана и Гаспарова стали тем временем уже известными учеными, людьми, как теперь говорят, «в возрасте» — им за пятьдесят, а иным и за шестьдесят.

Замечательный наш индолог В.С. Семенцов, ушедший из жизни в 1986 г. совсем молодым человеком, за год до своей смерти написал удивительную статью о путях и возможностях передачи традиции (перепечатана с краткими очерками В.В. Малявина и С.С. Аверинцева, комментирующими идеи Семенцова,

в сб.: Восток-Запад. М.: Наука, 1988). Пафос Семенцова в том, что, с его точки зрения, существо традиции заключается вовсе не в передаче некоего знания или опыта, а в «воспроизводстве личности» Учителя. Сходный посыл я нахожу в серии очерков А.П. Чудакова «Слушаю Бонди», «Учусь у Виноградова», «Разговариваю с Гинзбург», «Спрашиваю Шкловского» (они должны выйти в виде книги в «Новом издательстве»).

В заключение отмечу, что *коммерциализация* науки — неважно, какими методами и под какими лозунгами — в общем случае подменяет поиск *истины* поиском *выгоды*. В свете подобных процессов проблема поколений мне представляется куда менее важной. Поэтому известный тост «За наше безнадежное дело!» для меня, увы, остается актуален.

ТАТЬЯНА ЧЕРНИГОВСКАЯ

Памяти Марины Русаковой

Наука и Жизнь

Для меня деревья дороже леса.
У меня нет общего интереса

Иосиф Бродский

Только что в какие-то иные пространства ушла Марина Русакова — одна из самых блестящих и удивительных женщин нашего поколения и круга. Ее острейший ум, безошибочный вкус, редчайший талант педагога и исследователя, ее центральное место в гуманитарной интеллектуальной среде делают произошедшее несчастьем, невозполнимым никаким образом.

Люди, делом которых является научная и духовная жизнь, — «штучный товар», на них природа потратила лучшие свои средства, и их надо беречь. В конце концов, цивилизация строится не усилиями многомиллионных масс трудящихся, а прорывами и тщательной, долгой, трудной работой са-

Татьяна Владимировна
Черниговская

Санкт-Петербургский
государственный университет
tatiana.chernigovskaya@gmail.com

мых одаренных и самоотверженных представителей нашего рода. Их всегда немного, но они создают особую среду, ценность которой бесконечна. В ней формируются те, кто будет держать нить традиций, подбрасывать хворост в огонь, освещающий наш *мир*, отодвигающий вот-вот да и прорывающийся эсхатологический мрак. Дом, школа (формальная и домашняя), которые *свиваются*, как гнезда, вокруг таких людей, — вот острова, где живут традиции, это центры человеческой культуры, их важность для нашей цивилизации не меньше, чем роль материальных хранилищ — библиотек и музеев, потому что *такие* знания передаются только лично.

Ничего нет в науке ценнее научных школ. Заменить их не смогут никакие технологии и базы знаний. Их не смогут заменить и сверхспособные молодые люди с мощнейшей памятью и скоростью реакции, перерабатывающие информацию как кухонные комбайны; эта дорога — в никуда, более того, это вообще не человеческая дорога: все равно мы безнадежно отстали от суперкомпьютеров. Если мы хотим сохранить идентичность нашего вида, надо вести диалог с Аристотелем, Платоном, Кантом, Шопенгауэром, а не наращивать изошренность отверток и отмычек. Люди — это мозг и душа, а не плотность мышечной ткани. Способность заражать, зажигать, пленять, возбуждать азарт и восторг от интеллектуальных занятий, открывать молодых людей им самим — вот что должно связывать поколения.

Увы, такая система передачи Знания — не в чести. Наука и образование становятся все больше фабриками для производства прикладных «разработок» и «образовательных услуг» самого общего сорта. Спорить трудно — это тоже нужно, ведь надо же обеспечить и материальную жизнь... Но интеллектуальные элиты — драгоценные камни, их ограничивают не на конвейере; Ученик должен видеть Мастера, приглядываться, жить в этой среде, бродить, слушать разговоры, спорить, отрицать. В этом смысле, несмотря на разные, казалось бы, средства описания мира, искусство и наука — одно и то же.

Иначе — верх возьмут телепаты,
буддисты, спириты, препараты,
фрейдисты, неврологи, психопаты.

Иосиф Бродский

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Редколлегия решила посвятить этот «Форум» проблеме научных поколений, ориентируясь прежде всего на ситуацию в российской науке. Хорошо известно, что за последние 20 лет в отечественной науке произошли даже не изменения, а потрясения. Вместе с Советским Союзом в небытие ушел марксизм как единственно верная теория, «оплодотворявшая» все остальные, как считалось, более частные концепции. Сразу вслед за падением коммунистического режима наступил жестокий финансовый кризис. Наука, всегда финансировавшаяся по остаточному принципу, перестала получать и этот минимум. Вместе с тем открылись невиданные прежде возможности выбрать иные способы приложения сил и способностей, и многие воспользовались этим, кардинально сменив поле деятельности. Статус научной работы резко снизился. Однако у тех, кто остался верен науке, появилась возможность преподавать и работать в зарубежных университетах и научных центрах. Естественно, воспользовались этим

главным образом представители младшего и среднего поколения, хотя на первых порах в зарубежные университеты приглашали по большей части хорошо известных ученых среднего и старшего поколений.

Изменились и принципы финансирования науки. Возможность получить грант и несколько лет относительно спокойно заниматься своей темой воспользовались многие, но далеко не все. Грантовая система финансирования существенно преобразовала не только конфигурацию исследовательских тем (требования фондов-грантодателей накладывали порой существенные ограничения на проблематику), но и этический климат в академических учреждениях. Многие порицали «коммерциализацию» науки, другие приветствовали.

Можно еще долго говорить об изменениях в российской науке последних двадцати лет. Все они так или иначе соотносились с поколенческой стратификацией научного сообщества, поразному отразившись на судьбе каждого поколения. Сейчас ситуация в определенной степени стабилизировалась и появилась возможность посмотреть, к чему мы пришли. Какова сегодняшняя конфигурация поколений в науке? Каково самоощущение представителей разных научных поколений, иначе говоря, на чем строится поколенческая идентичность? В каких отношениях находятся ученые разных поколений в науках социального и гуманитарного круга? Эти науки в гораздо большей степени, чем естественные, находились под прессом марксистских догм, и в них гораздо сильнее чувствуется разрыв в опыте тех, кто получил образование и пришел в науку в советские годы, и тех, кто пришел в нее позже.

Таков примерно круг вопросов, которые нас интересовали при организации настоящего обсуждения. Принять в нем участие мы пригласили не только российских ученых, но и наших зарубежных коллег, которые знакомы с ситуацией в российской науке и, кроме того, могут сравнить ее с тем, что происходит в своих научных традициях.

В обсуждении принял участие 21 человек. Из них четверо представляют младшее поколение, восемь — среднее и девять — старшее. Каковы взгляды представителей разных поколений на сложившуюся в научном сообществе ситуацию?

Младшее поколение

О себе

К нам поступили всего четыре ответа от представителей младшего поколения, хотя мы приглашали принять участие в об-

суждении гораздо большее число коллег. Уже сам этот факт может свидетельствовать о том, что либо многие молодые исследователи не видят особой проблемы в поколенческой стратификации российской науки, либо считают, что о проблеме поколений лучше рассуждать старшим, либо... Тем большую ценность представляют полученные ответы. Разумеется, их недостаточно для каких бы то ни было выводов о картине поколений в науке с точки зрения младшего поколения, но взгляды авторов присланных ответов нам кажутся показательными.

Для этого поколения нижняя граница не очень существенна. Значение имеет лишь то, когда совершается переход на следующую ступень: *Человек относится к младшему поколению в науке, пока сам не становится «научным родителем», т.е. не получает научное руководство над кем-то, или пока живы «научные дедушки», т.е. научные руководители научных руководителей* (Ольга Бойцова).

Деление на среднее и старшее тоже не очень существенно, т.к. для этого поколения все остальные в науке являются старшими. И вообще научное сообщество организовано не столько по поколенческому принципу, сколько по другим основаниям. Ольга Бойцова считает, что более важным является распределение ученых по школам, внутри которых складываются свои взаимоотношения между поколениями.

Вместе с тем «старшие» и «младшие» обладают принципиально разным жизненным опытом, что не может не тревожить не только первых, но и вторых. Как пишет Денис Паперно, *в целом есть колоссальный разрыв между теми, кто жил в СССР, и теми, кто уже не помнит этого времени. Кажется, что молодежи можно привить любое представление о прошлом, а в соответствии с этим получают поддержку и любые политические изменения, от реставрации элементов советского строя до рискованных реформ в противоположном направлении. Эта неопределенность не может не пугать. Для научного сообщества такие проблемы тоже актуальны; риск отката к идеологизированной науке, к сожалению, остается.*

Что же касается собственно научных воззрений, то, по мнению Дениса Паперно, основной чертой научной молодежи является, как и положено, открытость любым новым научным идеям. Михаил Алексеевский полагает, что в ситуации финансовой непривлекательности научной работы и резкого падения ее престижа единственным стимулом становится удовольствие от научных занятий. Поэтому *среди научной мо-*

лодежи сейчас практически нет карьеристов в плохом смысле этого слова. Просто потому, что бороться не за что. Основной отсев происходит в аспирантуре — стипендии настолько малы, что их недостаточно для выживания, а подработки отрывают время и силы от научных занятий. Остаются только те, кто действительно привержен науке. Однако их дальнейшие перспективы видятся скорее в оптимистическом свете, поскольку в такой ситуации потребность в молодых кадрах только растет.

Между тем нынешние молодые ученые имеют гораздо больше возможностей, чем прежде. *Если ты деятельный и увлеченный, перед тобой открыты все дороги: можно легко найти и прочитать работы зарубежных коллег по интересующей тебя теме, можно вступить с их авторами в переписку, можно легко публиковать статьи и монографии, можно придумывать интересные проекты и выигрывать под них гранты, можно ездить в экспедиции и на международные научные конференции* (Михаил Алексеевский).

О старших

Отношение к представителям старшего поколения разное по той простой причине, что оно неоднородно. И вообще непонятно, можно ли говорить об этом поколении как о едином целом. По мнению Ольги Бойцовой, *в нашей науке нет такого старшего поколения, которое выступало бы единым фронтом, имело одинаковое мнение и единодушно противостояло младшему поколению хотя бы по каким-то вопросам. Каждая научная «семья» воспитывает своих «детей» по-своему, и методы воспитания и содержание обучения чаще противопоставляют ее другой научной «семье», чем своим собственным «отпрыскам».*

Отношение к старшему поколению основывается на уважении к тем, кто того заслуживает, и в этом смысле преемственность сохраняется. Вместе с тем положение представителей старшего поколения стало более сложным, чем прежде. Во-первых, в условиях дефицита молодых сотрудников властные ресурсы (которые традиционно принадлежат старшему поколению) приходится использовать с большей осмотрительностью. Во-вторых, поскольку у научной молодежи появилась свобода в выборе авторитетов, представители старшего поколения вынуждены вступать в конкуренцию за внимание молодежи не только между собой, но и с зарубежными коллегами. *Такая ситуация безусловно полезна даже для маститых ученых, она стимулирует развитие научной мысли, не позво-*

ляя «классикам» почивать на лаврах (Михаил Алексеевский).

По мнению Ольги Бойцовой, расхождение с представителями старшего поколения наблюдается только в выборе научных тем: *Представители моего поколения часто берут для исследования новые и нетрадиционные объекты, современные явления, лучше всего те, которые возникли только что. Представители старшего поколения (за среднее не скажу) нередко относятся к такому выбору неодобрительно и даже если поощряют его, сами подобные темы не берут (конечно, есть исключения). Это именно поколенческое, а не возрастное различие: мы в поисках темы для исследования хватаемся за то, что модно, а мода, и это хорошо видно по манере одеваться, у каждого поколения своя.*

Возможно, такая ситуация характерна только для российской науки, поскольку Энди Байфорд, представляющий британскую традицию, придерживается ровно противоположного мнения: *Выбор исследовательских тем и научных подходов представляется индивидуальным, а не поколенческим, причем множество молодых исследователей выбирают вполне традиционные темы и / или подходы, а многие более или менее зрелые ученые пишут работы на современные темы.*

Денис Паперно считает, что научные взгляды «младших» и «старших», конечно, различаются, но основы для конфликтов не видит. *Скорее можно надеяться на синтез наследия традиционной отечественной науки с новыми идеями, которые молодежь, конечно, воспринимает легче.* Аналогичной позиции придерживается и Энди Байфорд, который считает, что, хотя различия между научными поколениями (особенно на уровне *габитуса*) являются неизбежными и должны приниматься в расчет, сами условия академической жизни (в британской традиции) способствуют в большей степени вертикальной интеграции представителей разных научных поколений, нежели горизонтальной стратификации.

Кроме властных ресурсов старшее поколение имеет существенные предпочтения в «практической» стороне научной жизни: *Оплата труда, учебная нагрузка, формат участия в конференциях и семинарах и т.д. «заточена» под старшее поколение, которое имеет здесь приоритет и пользуется определенными привилегиями. Младшее поколение ощущает несправедливость такого устройства научной жизни и протестует, а старшему, в свою очередь, кажется, что младшее*

в своем протесте ведет себя слишком вольно и много себе позволяет (Ольга Бойцова).

Михаил Алексеевский чувствует, что картина получается слишком радужной, поэтому подчеркивает, что она больше характерна для Москвы и Петербурга. Во многих региональных научных центрах ситуация более напряженная, что, по его мнению, можно объяснить более высоким статусом научной работы и не столь унижительной (по местным меркам) зарплатой научных работников. Вместе с тем *для этих научных центров преэмптенность поколений более типична, чем их конфликт*. Перспективные исследователи появляются там, где есть сильные наставники.

Среднее поколение

О себе

Представители среднего поколения (как, впрочем, и младшие коллеги) считают, что научное сообщество делится не столько по возрасту, сколько по другим признакам. Для Наталии Деминной определяющим является этический признак, под которым понимается отношение к науке и цели, которые научные работники хотят достигнуть в науке и через науку. *Так что довольно скоро из общения с человеком, чтения его статей, можно понять, «свой» он или «чужой»*. Близкие взгляды у Варвары Добровольской: *Мы интуитивно относим людей к тому или иному поколению не по дате рождения (которой зачастую не знаем), а по тому, какие взгляды они разделяют, к кому примыкают и, что особенно важно, с кем поддерживают отношения «на равных»*.

Существенными оказываются такие признаки, как принадлежность к разным школам и направлениям, приверженность определенным теориям и методам (Ирина Разумова), время, когда получена основная часть образования (Нина Сумбатова). Кристоф Конрад считает, что *разрывы и подводные конфликты чаще происходят на основе традиционной идеологии, политики или принадлежности к «интеллектуальной школе»*. Кроме того, *социальное происхождение и гендер все еще оказывают более сильное влияние, чем поколенческая позиция*.

Свое поколение описывается как малочисленное (прореженное катаклизмами постсоветского периода) и крайне неоднородное. Более того, по мнению Варвары Добровольской, *мы, безусловно, не представляем собой группу, сообщество, единство — мы одиночки*. Но она же считает, что *старшая*

и средняя часть среднего поколения наиболее богата талантами, которые вынуждены (вопреки мнению редакции «АФ») нести основной груз научной работы. К позитивным чертам своего поколения Татьяна Золотова относит сохранившийся энтузиазм, преданность науке, уважение к «великим старикам».

Для самочувствия среднего поколения важным представляется тот факт, что оно является последним поколением из тех, кто приобрел иммунитет от влияния государственной идеологической машины и понимает, что нет абсолютной истины, что нужно учиться толерантно относиться к чужой точке зрения. *Одной ногой в советских субботниках, другой — в новом времени, мое поколение готово много времени тратить на занятия, не приносящие дохода, но вносящие вклад в общественное благо. Мое поколение интересуется политикой и не хочет возврата в «светлое» советское прошлое* (Наталья Демина).

Татьяна Золотова считает, что отрицательной чертой среднего поколения является конформизм. *Нам рано дали понять, что для успешного продвижения по служебной лестнице важно умение сделать хороший отчет; серьезной проверкой деятельности, ее результатов в то время как-то уже не очень себя утруждали.*

Портрет своего поколения проявляется не столько в самоописаниях, сколько в оценках младшего и старшего поколений. Как и можно было ожидать, в характеристиках «других» особое внимание уделяется младшему поколению.

О младших

С точки зрения авторов, которые относят себя к среднему поколению, младшее поколение отличается прежде всего большей прагматичностью (Наталья Демина). Эта прагматичность вовсе не обязательно снабжена негативными коннотациями. Скорее речь идет о черте, которой не хватает среднему поколению не только в России, но и в других странах. Характеризуя ситуацию в британском научном сообществе, Стивен Ловелл замечает: *Когда я смотрю на ученых даже на пять лет моложе, меня поражает их профессиональный подход к аспирантуре.* Серьезное отношение к научной работе со стороны молодых сотрудников отмечает и Варвара Добровольская, которая пишет об их одержимости работой, склонности к поиску неординарных подходов к выбору и изучению своего предмета. Кроме того, молодые лучше интегрированы в международное научное сообщество, чему способствует по-

явившаяся возможность получить образование в зарубежных университетах и лучшее знание языков (Наталья Демина, Нина Сумбатова).

Вместе с тем отмечается и то, что младшее поколение *более коммерциализировано, подчас в ущерб этосу науки* (Наталья Демина). Видимо, такие взгляды довольно распространены по отношению к младшему поколению, в связи с чем Ирина Разумова замечает: *С точки зрения многих представителей старшего и части среднего поколения, современная научная молодежь мыслит и действует иначе, для нее приоритетно не познание, а экономический интерес и т.п. На мой взгляд, такое противопоставление поколений, причем не в пользу молодежи, не вполне справедливо. Просто молодые ученые сейчас приходят в науку в такое время, когда способность согласовывать свои познавательные потребности с запросами рынка является условием социальной адаптации. Если у них не возникает внутреннего разлада и нет осознания того, что нарушаются какие-то неписанные законы этики, это вполне естественно. В такой ситуации отсутствует почва для «двойной морали», меняются модели поведения.*

К сходным соображениям приходит Нина Сумбатова: *Молодые ученые верят в ценность науки, но верят по-своему. Как правило, они выбирают науку из целого набора сопоставимых по ценности альтернатив, причем некоторые из них могут быть не оставлены окончательно. Наука для них — одна из хороших вещей в мире, где есть и другие хорошие вещи.*

По мнению Наталии Деминой, молодое поколение, избавленное от опыта советской жизни, в большей степени подвластно влиянию государственной идеологии, хотя к политике по большей части равнодушно или преследует в ней финансовый интерес¹. Кроме того, отмечаются такие черты младшего поколения, как необязательность и отсутствие пунктуальности (Варвара Добровольская).

О старших

Характеризуя старшее поколение, представители среднего прежде всего имеют в виду их опыт жизни при прежнем режиме, который обогатил одних и исковеркал других. Поэтому среди старших выделяются по меньшей мере две группы с разными, порой диаметрально противоположными интересами. Есть те, кто и сейчас задает тон в своих областях знания, но

¹ Показательно, что и сами представители молодого поколения сознают уязвимость перед государственной пропагандой (см. выше).

есть и имитаторы науки, как и те, кто занимается не наукой, а административной карьерой (Наталия Демина). В любом случае наука для представителей старшего поколения является безальтернативным выбором (Нина Сумбатова). В этой ситуации изменяется традиционная конфигурация передачи знаний. Привычная схема от старших к младшим может меняться на противоположную: *В лингвистике старое поколение встало перед необходимостью учиться у младших. Мы, можно сказать, пришли к префигуративной модели общества, о которой писала Маргарет Мид. Когда мы учились (студентами, аспирантами), наша научная жизнь была по большей мере конфигуративной (учились друг и друга), сейчас приходится учиться у студентов и аспирантов. Иначе велика опасность превращения в «мастодонта»* (Елена Перехвальская).

Старшее поколение

О себе

Старшее поколение продемонстрировало неожиданный разброс в ответах на вопрос о поколенческой самоидентификации. В одной группе ответов (Борис Докторов, Лев Клейн, отчасти Мэри Макоули, Борис Фирсов) представлены тщательные вычисления места своего поколения на общей шкале актуальных (и не только) научных поколений. В таких развернутых ответах предполагается, что для каждого научного поколения важны не только и даже не столько возрастные рамки, сколько соответствующие внутри- и вненаучные идеологические контексты. В другой группе ответов (Сергей Арутюнов, Леокадия Дробижева, Ревекка Фрумкина) своя принадлежность старшей группе определяется по возрастному признаку и уже поэтому лапидарно (ср. у Сергея Арутюнова: *Мне 77 лет, старше меня мало кто остался*). Несколько особняком представлена позиция Шейлы Фитцпатрик: *Если бы я принадлежала к какому-нибудь американскому научному поколению, то это было бы старшее поколение, однако на самом деле я не чувствую своей принадлежности ни к какому*.

В полном соответствии с приведенной группировкой ответов характеристики своего поколения в ответах первой группы растворены в описаниях эволюции тех научных дисциплин, с которыми соотносят себя авторы. В явном виде выражены лишь идеи неоднородности своего поколения и его неотделимости от истории науки. В ответах второй группы черты своего поколения выражены вполне эксплицитно.

Сергей Арутюнов: *Основные черты нашего поколения — это консерватизм, внеидеологичность, приверженность к классическим сюжетам и подходам, нелюбовь к новомодной лексике и фразеологии. О нелюбви к новым концепциям говорить трудно за практическим отсутствием таковых, если не считать за оные труды Б. Андерсона, Хобсбаума и иже с ними, которых все в хвост и гриву цитируют, но мало кто прочел и понял.*

Леокадия Дробижева: *Черты моего поколения в сравнении с молодым и средним — большая толерантность, высокая требовательность к себе и меньшая конкурентоспособность.*

О младших

Во взглядах на более молодые поколения преобладают оценки двух типов: взвешенно-нейтральные, констатирующие положение вещей, и откровенно негативные. Мэри Макоули полагает, что те ресурсы, которыми сейчас располагает молодое поколение (поездки, публикации онлайн, Интернет и др.), должны повлиять не только на характер исследований, но и на самую научную проблематику. *Лучших возможностей никогда не было...* Леокадия Дробижева видит в молодом поколении больше людей с высокой эрудицией, но в то же время и *больше прагматиков, меньше готовых работать ради научного интереса и общественных целей.*

У Льва Клейна пессимистическое видение складывающейся ситуации: *Среднее поколение, которое реально руководит наукой, это поколение, сформировавшееся в Брежневском застое. Им сейчас от 45 до 65 лет. Они быстро превращаются в старшее поколение науки. Более молодые поколения — Горбачевской «перестройки» и 1990-х — это люди, которым сейчас меньше 45 лет. Они должны были бы стать основным костяком науки, но они в массе в науку не пошли. Они ушли в политику, СМИ и бизнес. <...> Наконец, молодежь, сформировавшаяся в Путинское время, те, кому сейчас от 20 до 35. При наличии способностей и успехов они, владея языками и не имея комплексов, запросто уезжают из страны — в Америку и Германию, в Китай. Из этого поколения в России остаются беспринципные карьеристы, рвущиеся в чиновники, и простенькие провинциалы, используемые для Селигера. В науку просачиваются отдельные энтузиасты, образуя одиночные блески в балласте. <...> Мы, старшее поколение ученых, уходим с тяжелым сердцем. Некому передать наше знание, наши умения, нашу миссию.*

Действительно, старшее поколение более всего озабочено проблемой сохранения преемственности в науке, да и в более широком плане — существованием самой науки. Татьяна Черниговская: *Наука и образование становятся все большие фабриками для производства прикладных «разработок» и «образовательных услуг» самого общего сорта. Спорить трудно — это тоже нужно, ведь надо же обеспечить и материальную жизнь... Но интеллектуальные элиты — драгоценные камни, их ограничивают не на конвейере; Ученик должен видеть Мастера, приглядываться, жить в этой среде, бродить, слушать разговоры, спорить, отрицать.*

Характер взаимоотношений разных научных поколений во многом зависит от существующих в разных культурах традиций. Шейла Фитцпатрик говорит о двух типах взаимоотношений, присущих разным научным традициям. Для одного естественна ситуация, когда каждое младшее поколение ставит под сомнение мудрость старших. В другом *уважение и традиционные линии наследования являются гораздо более важными, чем поколенческий вызов.* По ее мнению, такого рода отношения более характерны для представителей естественных наук. У историков *гораздо слабее ощущение традиции: может быть, потому что они в отличие от физиков не верят в то, что знание в их области является кумулятивным.* Если примеривать эти схемы к российской ситуации, то думается, что мало кто удивится поколенческому вызову, но вместе с тем традиционному наследованию знаний, фигуре Учителя придается большее значение (об этом замечательно пишет в своей реплике Ревека Фрумкина).

Поскольку сейчас российская наука находится на перепутье (во всяком случае, в этом вопросе), многое зависит от того, по какому пути она пойдет. Борис Фирсов считает, что в свое время советская наука близко подошла к тому, что он называет «конфуцианской» моделью, в которой *интеллектуал сит, прикормлен, находится на общественном содержании и даже причастен в определенной мере к принятию решений. В обмен на это он служит обществу не иначе как в качестве части административно-бюрократического аппарата.* В «даосской» модели интеллектуал не получает целенаправленной поддержки государства, но взамен он обретает духовную свободу.

Автор в качестве примера ссылается на атмосферу Европейского университета в Санкт-Петербурге, который, с его точки зрения, *является прообразом новой интеллектуальной среды, объединяющей на основе консенсуса разные возрастные когорты. Эта среда, не игнорируя важности внешних социальных*

связей, тем не менее, дает шанс образовать некое новое разнопоколенное сообщество, которое живет по своим законам и правилам. Как говорится, дай Бог, чтобы это сообщество и дальше жило и развивалось, служа примером для других институций, но с трудом верится, что они ему последуют. Причина простая: подавляющее большинство университетов и институтов в России являются государственными и уже поэтому обречены на «конфуцианство».

Некоторые впечатления (вместо выводов)

1. Судя по репликам участников обсуждения, картина взаимоотношений между разными научными поколениями не такая мрачная, как казалось до проведения обсуждения.
2. Поколенческая стратификация научного сообщества для многих авторов оказалась менее значимой, чем конкуренция школ, направлений, этических ценностей.
3. Между поколениями не отмечается каких-то принципиальных именно «поколенческих» разногласий. Конфликты если и возникают, то не вследствие различия взглядов представителей разных поколений на ту или иную научную проблему. Линии напряженности проходят по другим границам (между школами, направлениями и др.). Нельзя не отметить, что низкий «градус» дискуссионности в наших научных дисциплинах отмечается даже в этом форуме.
4. Различие в образовании, опыте жизни при советском режиме и без него ощущается, но не приводит к противостоянию. Во всяком случае, судя по ответам, нет оснований утверждать, что представители старшего поколения, состоявшие как ученые в советскую эпоху, и младшего говорят на принципиально разных языках.
5. Преемственность между старшим и младшими поколениями сохраняется, другое дело, что оговариваются разные линии преемственности (это признают даже наиболее скептически настроенные авторы).
6. Явно недостаточное финансирование науки (отмечаемое в основном представителями младшего и старшего поколений) беспокоит участников дискуссии даже не само по себе, а в связи с тем, что неуклонно ведет к падению престижа науки, с одной стороны, и ее коммерциализации — с другой.
7. Озабоченность судьбой науки (старшее поколение) приводит не к бессмысленным призывам и стенаниям, а, как и положено в науке, к поискам приемлемых моделей организации научного сообщества.

В заключение самое общее впечатление: в подтексте каждой реплики состоявшегося обсуждения содержится идея безусловного уважения к представителям других поколений научного сообщества, и это не может не радовать. Впрочем, а как иначе?

Редколлегия благодарит всех участников обсуждения.